

82.3(2-632.1)6
Ш624

**МАСТЕРСТВО
СКАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА
П. В. КУЧИЯКА**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ТМО Т. 3.600.00

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ШКОЛА ЮНЫХ СКАЗИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

И. Б. Шинжин

**МАСТЕРСТВО
СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА
П. В. КУЧИЯКА**

ГОРНО-АЛТАЙСК
2001

82.3(2 Рос=Алт) 6-8 Кучиак

Ш 624

*Редактор Л. Г. ЧАЩИНА
Рецензент канд. филологич. наук,
доцент Горно-Алтайского ГУ М. П. ЧОЧКИНА*

ШИНЖИН И. Б.

Мастерство сказительского искусства П. В. Кучияка. —
Горно-Алтайск: 2001. — 83 с.

П. В. Кучияк (1897—1943) не только был известным прозаиком, поэтом, драматургом, актером, режиссером, музыкантом, он являлся талантливым сказителем. Кучияк неустанно собирал и публиковал алтайские народные сказки, героические сказания, изучал жизнь и творчество выдающегося алтайского сказителя Н. У. Улагашева. И. Б. Шинжин впервые в алтайской фольклористике исследовал мастерство сказительского искусства Павла Васильевича Кучияка. П. В. Кучияк был и остается первым алтайским фольклористом.

Книга предназначена для фольклористов и этнографов, учителей, учащихся, студентов, работников культуры.

© Шинжин И. Б., текст. 2001.

5-ШНБ-МСИПВК

«Очень важно бороться против недооценки таких деятелей, как П. В. Кучияк... Помогая расти своему народу, они вместе с тем вносили свой вклад и в сокровищницу мировой культуры».

Академик Н. М. Дружинин.

«Вся жизнь Павла Кучияка была большим и увлекательным путешествием: из дымной юрты в светлый дом, из глухого урочища в город, из среды неграмотных охотников в среду советских писателей, из семьи полудиких язычников в большую семью передовых народов мира, из мглы и мрака тесной долины на вершину современной культуры».

А. Коптелов, писатель.

«Поэт, прозаик, драматург, критик, наставник подрастающих поэтов, фольклорист, режиссер, он — выдающийся актер, музыкант, владеющий всеми национальными инструментами, и певец, несущий в своей изумительной памяти все песни, все мелодии родной страны.

И. Катаев, писатель.

«Виртуоз, импровизатор, он прекрасно играл на всех национальных инструментах — шооре, комусе, под аккомпанемент топшуура пел героические сказания, исполнял горловое пение. До сих пор не встречала человека, у которого, помимо красивого голоса, был бы такой многообразный репертуар песен, мелодий. Он был бесконечно разнообразен...

А. Алтарыкова, заслуженная артистка РСФСР.

«Имя Кучияка, как выдающегося сказителя, долго будет жить в народной среде».

Т. Шинжин, сказитель.

МАСТЕРСТВО СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА П. В. КУЧИЯКА

Алтайский фольклор состоит из различных жанров: пословиц и поговорок, загадок и скороговорок, песен и сказок, мифов, легенд и преданий, благопожеланий и восхвалений, также из состязаний по красноречию и т. д. Но самым любимым, популярным произведением устного народного творчества является героический эпос. И именно ему дано стоять в ряду выдающихся памятников эпической поэзии многих народов мира. Вследствие этого в народной среде особо уважаемы наиболее одаренные певцы и сказители, которые являются творцами, хранителями и носителями не только малых жанров, но и высокохудожественных эпических произведений. Одним из таких талантливых певцов-кайчи был и Павел Васильевич Кучияк (1897—1943 гг.), столетие со дня рождения которого дает право нынешнему поколению ученых по-новому подходить к его сказительскому наследию.

Павел Васильевич Кучияк родился 17 марта 1897 года в селе Куюм, неподалеку от Эликманара (тогда районного центра). Родители были бедными, отец — Чочуш — считался потомственным шаманом, а мать, Адимаш, была дочерью знаменитого в то время сказителя Шонкора Шунекова. Так как у них дети умирали в раннем возрасте, то родившемуся только что мальчику они дали имя — Ийт-Кулак. Чочуш и Адимаш считали, с одной стороны, что злые духи не заберут сына, так как у него плохое имя — Собачье Ухо, а с другой стороны, они верили, что уши его будут чуткими, как у собаки, и всегда будут улавливать даже малейший шум незаметно подкравшейся нечистой силы. Ему, Ийт-Кулаку, как наследнику отца, уши надо было держать остро: определять, угадывать, что происходит вокруг, и нужно было правильно выбрать свою жизненную дорогу.

Сначала, как думал Чочуш сын мог остаться в этой убогой юрте и зажить простой, серой жизнью. Нет, размышлял Чочуш, Ийт-Кулак мальчик очень живой, смывленный. Он с пятилетнего возраста стал помогать отцу в домашнем хозяйстве. В шестилетнем возрасте Ийт-Кулак уже умел со сноровкой поста-

вить плуг, в семь лет мальчик проявлял самостоятельность — он делал колоды для пчел, пахал, выполнял все домашние работы. «Он обязательно должен стать хорошим хозяином, главой семьи и не даст семье голодать в любую минуту», — рассуждал Чочуш.

Думал Чочуш и о другом: сын мог стать шаманом, как он, отец. Но это было опасно. Не станет ли сын потом метаться между бурханистами-ярлыкчи и шаманами, мучиться всегда неопределенностью веры.¹

Уже в семилетнем возрасте, как замечал не раз отец, мальчик хорошо умел произносить шаманские моления, благословения к перевалам гор, ко всему Алтаю:

Тоббõ бажы баштаган,
Торт чыйрагы ээчиткен!
Алтайым!
Тада бажы тайгалар,
Куйум ичи кулузындар!
Урсу-томын амзажыгар,
Изү эттег жиижигер!
Алтайым!

Голова (теменем) управляет,
Четыре ноги последуют!
Алтай мой!
Вершины Тада тайга,
Долина Куюма в тростниках!
Отведайте с нами священную водку,
Ешьте с нами горячее мясо!
Алтай мой!²

Хотя Ийт-Кулак тайно от родительских глаз в играх с соседними ребятами умудрялся камлать, «отец строго запрещал ему шаманить».³

Иногда Чочуш и Адимаш вместе думали о будущем своего сына. Может быть, стать ему церковным работником, попом или священником. Ведь христианство в 1860-е годы уже неумолимо широко и вглубь шагнуло в Кап-Алтай.

А Ийт-Кулак, как выяснилось, в семи-восьмилетнем возрасте отлично знал весь ритуал крещения и имитировал его в играх с детьми, сверстниками. Некоторые дети дважды «приняли» крещение, сначала их крестил Ийт-Кулак, затем уже настоящие попы из Чемала. Чочуш решил не упустить это из своего поля зрения. Опорой для него служили слова своего же сына. Ийт-Кулак говорил сверстникам, что он боится взглянуть в глаза бубна, когда отец шаманит, но не боится ничуть попов.⁴

¹ Кучиякова К. Рассказы о детстве П. В. Кучияка. // Из личного архива автора. Далее Л. А. Ф. М., папка № 1.

² Кучияктыг сыйны Кыстанын куучыны // Литературно-художественный сборник Алтын-Көл (Золотое озеро). Зап. Т. С. Тюхтенева, июль, 1961. — Горно-Алтайск, 1977. — С. 12.

³ Там же. — С. 12.

⁴ Там же. — С. 12.

Из игр детей Чочуш сделал вывод, что рано или поздно, все равно они будут крещены, и, чтобы выучить своего единственного сына грамоте, он поехал в Чемал. Набрал у попов нужные книги и у себя дома в Куюме открыл школу. Так Чочуш, начиная с осени и до конца года, учил детей грамоте и распустил их весной, пока лед на Катунь еще не тронулся.

Павел Васильевич — Ийт-Кулак уже с малых лет проявлял любовь к устному народному творчеству. С пяти-шести лет мальчик выделялся цепкой памятью. Он пересказывал, например, небольшие сказки, легенды, как только слышал их от отца или от других рассказчиков.

Так, например, в 1957—1959-е годы автору этих строк сестра Павла Васильевича, Кыстан Кучиякова, сообщала, что Ийт-Кулак в семь лет хорошо рассказывал легенду, которая была связана с их родом — майманов. У майманов был предок по имени Ргай, и он не знал своего рода-сеока. Ргай имел двух сыновей. Старший сын все время ковал железо, отчего был черным внешне. Младший брат постоянно помогал ему в изготовлении угля и от сжигания угля стал на вид темно-синим. Перед смертью отец-Ргай вызвал сыновей и определил их род. Старший стал по роду кара-майман (черный майман), младший брат получил род кёгёл-майман. Род Кучияковых пошел по линии кара-маймана.¹

Эту легенду Кыстан слышала от Ийт-Кулака: сам Павел Васильевич родовую легенду подробно знал по генетической линии и этнопедагогике. Видимо, каждый раз он пополнял ее новыми сведениями. Ее можно привести в данной работе полностью, ибо легенда эта для нас играет важную познавательную роль. Она написана в сентябре 1937 года. П. В. Кучияк пишет: «По имеющимся у меня в памяти сведениям, было так: у нас, у майманов, был предок по имени Ргай. Ргай тогда не знал своего сеока. У Ргая было двое сыновей. Старшего звали Талайшикши, младшего — Тайдамерген. Ргай стариком стал и говорит сыновьям: «Ты, старший мой сын, все время железо куешь, твой сеок (кость) пусть кара-майман будет — черный майман будет. Ты, младший сын мой, своему брату уголь жжешь, отчего ты совсем темно-синий стал, пусть твой сеок будет кёгёл-майман — синий майман». Вот с тех пор сеоки — роды —

¹ Из сообщения Кыстан Кучияковой. Из ЛА. ФМ., папка № 1.

кара-майман и кёгёл-майман пошли. От старшего сына Талайшикши родился Кураган, от Курагана — Акпурун, от Акпуруна — Кедреш, от Кедреша — Орузак, от Орузака — Кукаш, от Кукаша — Чёлюжек, от Чёлюжека — Кучияк, от Кучияка — Капшагай, от Капшагая — Чочуш, от Чочуша — Ийт-Кулак (Павел Васильевич), от Ийт-Кулака — Ваня, Коля, Марат. Таким образом, от Ргая до моих детей тринадцать поколений: 1) Ргай, 2) Талайшикши, 3) Кураган, 4) Акпурун, 5) Кедреш, 6) Орузак, 7) Кукаш, 8) Чёлюжек, 9) Кучияк, 10) Капшагай, 11) Чочуш, 12) Ийт-Кулак, 13) Ваня, Коля, Марат.

Сеок майман-орузак нашел годовалого мальчика на реке Чуя в гнезде беркута, привез его домой за триста километров и дал ему сеок ябыр. Их очень мало, только в Эликманарском аймаке, в Кугалее и в Аносе. Они считают маймандары братом до сегодня (старики конечно).

Вот коротко мои родословники все».¹

По этой записи можно судить, как хорошо знал Павел Васильевич — Ийт-Кулак народную легенду о роде майманов. Если Кыстан Кучиякова легенду знала только по сюжету народного повествования, то старший брат знал ее во всех тонкостях. Он даже называет сыновей Ргая поименно и вставляет в сюжет своих предков и потомков. То есть свою родословную. Алтайцы от своих детей требовали знания предков, например, хотя бы до седьмого поколения, а Павел Васильевич Кучияк знал их до тринадцатого поколения. По словам же сестры, Ийт-Кулак знал все легенды и предания о родах и племенах алтайцев, которые в прошлом широко бытовали на Алтае.

По рассказам Кыстан, Павел Васильевич в детстве знал множество сказок и мастерски их рассказывал. К ним относятся, как она помнила, «Торко-Чачак» — «Шелковая Кисточка», «Јети карындаш» — «Семь братьев», «Летучая мышь», «Мышь и верблюд», «Корова и звезды», «Сто умов», «Золотая чёчёйка», «Скупая лягушка», «Нарядный бурундук» и много других.² Эти сказки переняты Ийт-Кулаком в детские годы от своего отца — Чочуша, деда Шонкора Шунекова и бабушки Баргаа. Бабушка, например, сказки рассказывала многообразными зву-

¹ Дружинина Е. Воспоминания о П. В. Кучияке (К 70-летию со дня рождения) // Сибирские огни. 1967, № 5. — С. 153.

² Из сообщения Кыстан Кучияковой, 1958 г. ЛА. ФМ., папка № 1.

ковыми тонами. Порой мягкий женский тон звучания в ее речи переходил на более резкий, грубый звук.

Как вспоминала Кыстан, девятилетний Ийт-Кулак хорошо усвоил сказку «Сартакпай» и при рассказе он имитировал не только речь, движения Сартакпая, строителя моста через Катунь, его просьбы и советы молодым, но и также отчаянный крик героя, когда мост неожиданно рухнул. Ийт-Кулак рывкнул, как медведь, показывая гнев Сартакпая, и сверстники — его слушатели — скорчились, будто от испуга. Всем было жалко не только Сартакпая, но и его сына Адучи и сноху Оймокчи, которые превратились в гусей и навечно остались ими. Ийт-Кулак всегда следил за выражениями лиц сидящих ребят: реагируют ли они на его рассказ.

И еще пример. Ийт-Кулак рассказывал сказку «Торко-Чачак» (Шелковая Кисточка) и здесь-то, как вспоминала в 1958 году Кыстан, он разыгрывал все роли, какие есть в сказке. Рассказчик своим голосом показывал, например, стон больного отца Торко Чачак, печальный тон голоса ее матери — как она обращается к дочери, чтобы та съездила за шаманом.

Кам (шаман) еще издали увидел Торко Чачак, уронил нож и до крови поцарапал ногу. При этом Ийт-Кулак изображал шамана и то, как кровь сочилась из раны. Удивительно было то, как он рассказывал про кама, когда тот уже шаманил больному. Через некоторое время кам сказал, что старик не вылечится, ибо Торко-Чачак является причиной всех болезней, и дал распоряжение: посадить ее в деревянную бочку и бросить в бурную реку. При этих словах шамана «женщины упали лицом вниз, старики прижали руки к глазам и сквозь стиснутые пальцы просочились слезы. Молодые люди два раза покраснели, два раза побледнели».¹

Главное, как вспоминала Кыстан Кучнякова, Ийт-Кулак умело жестикулировал руками, передавая каждое движение всех персонажей сказки. Хриплым голосом передавал повеление кама: «Эй, — сказал он дома своим слугам, — идите на берег бурной реки, вода принесет мне большую бочку. Поймайте, выловите ее и доставьте в мой аил. Сами бегите в лес. Плач услышите — не возвращайтесь. Стон, крик по лесу разольется —

¹ Алтайские сказки. — Новосибирск, Новосибирское областное издательство, 1952. — С. 9.

не приходите. Раньше, чем через три дня в мой аил не показывайтесь».¹

При передаче этих слов кама, голос Ийт-Кулака гудел, правую руку он протягивал вперед, каждое слово произносил четко, членораздельно. По словам сестры, иногда часть текста сказки он передавал плавным, ровным тоном голоса, порой начинал рассказывать нараспев, а крик шамана, когда тот умирал, юный сказочник выразил высоким голосом: «Помогите! — кричал он. — Помогите!»²

Выработанное Ийт-Кулаком в детстве мастерство рассказывания сказок в дальнейшем все время обогащалось различными художественными средствами, углублялось и расширялось новыми идеями, версиями. И это видно из воспоминаний ученых, которые видели П. В. Кучияка много лет спустя, например, на четвертом десятке лет его жизни.

Академики: Н. А. Дружинин (1886—1986) и Е. И. Дружинина (1916).

Фото 1972 г.

Вот как вспоминала о нем доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Елена Иоасафовна Дружинина, которая

¹ Там же. — С. 9.

² Воспоминание Кыстан Кучияковой о детстве П. В. Кучияка. ЛА. ФМ., папка № 1.

встречалась с ним в 1937 году в Аскате: «Кучияк начинал рассказывать народные алтайские сказки. Рассказывая, Кучияк менял интонации, темп речи и даже свой голос. С высоких нот он внезапно переходил на низкие, а иногда начинал говорить нараспев или издавал звуки, похожие на рычание зверя. Среди сказок была и такая, в которой фигурировал шаман во время камлания. Тут гамма звуков была еще более разнообразной и таинственной, разговорная речь чередовалась с пением и свистом».¹

Павел Васильевич не только умел прекрасно рассказывать народные сказки, он также является и сказителем.

Когда мальчику было девять лет, умер его отец. В дальнейшем Ийт-Кулак большую часть времени находился у деда — Шонкора Шунекова, известного сказителя в долине Куюма, и у бабушки Баргаа, тоже слывшей талантливой сказительницей и сказочницей, родственниками по материнской линии. Именно они обратили внимание на то, что Ийт-Кулак с большим интересом слушает героические сказания. Этот интерес и стремление они всячески поддерживали. Не раз замечал Шонкор Шунеков, с какой жадностью слушал внук его исполнение. Ведь Шонкор как мастер гортанного пения, рассказывал такие героические сказания, как «Ескюс-Уул», «Кара-Маас», «Когюдей-Мерген», «Когюдей», «Алтын-Тууди», «Току-Маш» и другие. По словам Кыстан, Шонкор Шунеков знал более тридцати героических сказаний, сотни мифов, легенд, преданий, исторических рассказов, а пословицы и поговорки — и не сосчитать. А бабушка Баргаа, родная сестра Шонкора, тоже была мастерицей исполнения героических произведений. Ее знания по устному народному творчеству ничуть не уступали знаниям старшего брата. Оба сказителя свое исполнение сопровождали игрой на топшууре, и Ийт-Кулак имел здесь счастливый случай: признанные кайчи-рапсоды никогда не запрещали ему брать в руки топшуур и играть на нем. Такое дружеское отношение приближало их друг к другу, вызывало чувство доверия, а самое главное — подготовило его к секрету и таинству — передачи знаний и опыта молодому поколению сказителей.

Как вспоминала Кыстан, Павел Васильевич — Ийт-Кулак — в десяти-двенадцатилетнем возрасте каем — гортанным пением

¹ Дружинин Е. Указ. Соч. — С. 151.

ем — уже воспроизводил такие сказания, как «Ескюс-Уул», «Келер-Куш», и умело сопровождал свое исполнение игрой на топшууре.

Кыстан Кучиякова рассказывала, что к пятнадцати-шестнадцати годам брат, теперь уже не Ийт-Кулак, а Павел Васильевич стал оформившимся и установившимся сказителем (јозоры јетире кайчы болуп калган). Голос его, как помнит она, был густым и приятным. Всем казалось, что вся сказительская душа Шонкора-деда переместилась во внука, ставшего юношей и вполне зрелым сказителем.

Кроме того, он много раз слушал и свою бабушку Баргаа, у которой основной репертуар был такой же, как и у Шонкора. Однако, как женщина-сказительница, она обладала нежным, в то же время звучным голосом. При исполнении героических сказаний, особенно эпоса «Алтын-Тууди», в ее голосе было слышно не только гортанное пение в сопровождении мелодии струн топшуура, но вместе с ними звучал какой-то необъяснимый звук, который представлял собой звучание комуса-варгана. И эта особенность гортанного исполнения бабушки Баргаа была усвоена чутким Ийт-Кулаком. В дальнейшем, когда Павел Васильевич достиг определенного опыта исполнения сказаний, он часто использовал индивидуальную манеру кая Баргаа Кучияковой.

Таким образом, дед и бабушка были его первыми учителями и заложили основу репертуара нового сказителя-ученика, но уже теперь признанного односельчанами как сказитель-кайчи.

Но было время, когда П. В. Кучияк прерывал свое исполнение героических сказаний. Это выпало на 1925—1929 годы, когда он учился в Москве, в Коммунистическом Университете трудящихся Востока. Вернувшись в Горный Алтай (в город Ойрот-Тура), он стал работать руководителем юртпередвижки и снова начал рассказывать героические произведения, выступал перед населением в сельских клубах всех районов.

1931—1933 годы Павел Васильевич работает преподавателем в Горно-Алтайской совпартшколе, ведет уроки обществоведения и колхозного строительства. Именно в этот период он часто исполнял героические сказания перед молодежью, которая приехала на курсы. Как вспоминал К. М. Чепонов, живший

в селе Малый-Улегем Онгудайского района и в молодости обучавшийся в те годы на курсах колхозного строительства, П. В. Кучняк часто приходил в общежитие и в окружении своих учеников каем — гортанным пением — исполнял сказания. Слушателей поражала не монотонность кая, а разнообразные звукоизвлечения, которые придавали эпическим словам, строкам неповторимые мелодии.

По словам Чепонова, знавшего в своей жизни многих сказителей, Кучняк разнообразил свой кай различными мелодиями (күү), заметно повышал голос, затем понижал тон звука. Это свидетельствует о том, что Павел Васильевич знал и разновидности алтайского кая: каргыраа, кёомей, сыбыскы. В те годы, как вспоминал Киндик Мендинович Чепонов, в совпартшколе, особенно на курсах колхозного отделения, учились тувинцы, в числе которых были и певцы-горловики. Случалось, что Кучняк оттачивал свой кай-сыбыскы (у тувинцев — сыгыт) с их помощью, а тана-тувинцы перенимали у него кай — исполнение героических сказаний.¹

Старожилы села Хабаровки (устья Малого Улегема) Онгудайского района — Кюрендей и Болчонгош Мордошевы — автору этих строк сообщили (в 1961, 1963 годах), что они П. В. Кучняка видели в 1937 году, когда жили в местности Кадрини. «Что делает теперь Кучняков?» — спросила у меня Болчонгош Мордошева, которой было уже за 75 лет. Я ответил: «Он ушел из жизни в 1943 году». Вот она и рассказала, вместе с мужем, о том, что видела Кучняка, приехавшего к ним летом записывать сказки, песни. «Он сам хорошо знает те же сказки, которые мы рассказывали ему, а почему тогда он спрашивает?» — удивлялся Кюрендей Мордошев, Болчонгош вставляла: «Ты же выведал у него. Кучняк сказал нам: «Хорошо, когда один человек знает много сказок, еще лучше будет, если все люди знают эти сказки да знают другие, которых я вообще не знаю».

Мордошевы и другие соседи устроили сказителям состязание. Певцов-кайчы было двое — Тюленти Самойлов и П. В. Кучняк. Вышли на цветущее поле недалеко от аилов, поставили очок, разожгли огонь, закололи барана, поставили аркы-водку, приготовили еду, постелили белую кошму, посадили

¹ Из воспоминаний К. М. Чепонова. Он умер, прожив больше 80 лет в 1990-х годах. ЛА, ФМ., папка № 1.

кайчы тут же рядом, на расстоянии метр друг от друга, слушатели расселись перед ними. После еды, как договорились сказители и слушатели, оба певца начали исполнять сказание «Алтай-Буучай». Слушатели и местный кайчы решили начать с Кучияка, но он настаивал на том, чтобы начал исполнять Тюленти, затем гость, и так по очереди. Все согласилось с этим. Начали исполнять примерно с десяти часов утра, кончили до захода солнца. Оба сказителя были молодые, знанием текста и умением петь кай друг другу не уступали. Но слушатели, в том числе Мордошевы, заметили, что у Кучияка звуковой набор был больше, чем, например, у Самойлова. Знатокки единодушно решили: и Кучияк, и Самойлов являлись мастерами кая-исполнения, хорошо и внятно выговаривали слова сказания и не пропускали ни одного места из текста (ус кайчылар болгон) — оба были мастерами сказительского искусства.¹

Таким образом, П. В. Кучияк до 1933 года прошел большую сказительскую школу, сначала по родственной линии, затем слышал и других сказителей-кайчи, приобрел опыт и мастерство.

Впоследствии, особенно во второй половине 1930-х годов, Павел Васильевич Кучияк начал записывать некоторые из них по памяти.

Так, например, в 1912 году от Ш. Шунекова он перенял такие крупные сказания, как «Темир-Санаа», «Келер-Куш», «Алтын-Тууди», а от Баргаа Кучияковой усвоил (в 1909—1910-х годах) «Ескюзек», «Кулакчин», «Току-Маш» и ряд других. Именно эти сказания стал записывать П. В. Кучияк по памяти, когда в 1935—1936-е годы находился в Москве, в Доме творчества писателей. Записав их на алтайском языке, он сразу же делал подстрочный перевод на русский язык и отдавал переводчикам. В результате такой плодотворной работы эти сказания издавались не только на алтайском, но и на русском языке.

В то же время Кучияк работал с другими кайчи и по собственной инициативе опубликовал их сказания на двух языках. Яркий пример этого: в 1935 году от певца-сказителя Санаа Туганова, который жил в селе Чемал, он записал сказание «Жара-Маас», через год сделал подстрочный перевод, затем это произ-

¹ Из сообщений о П. В. Кучияке Кюрендея и Болчонгош Мордошевых. ЛА, ФМ. Папка № 1.

ведение было опубликовано в сборнике П. В. Кучияка «Темир-Санаа».¹ В те же годы от кайчы В. Ябыкова он записал два сказания: «Темир-Беке» и «Кан-Сулутай» и они были изданы вместе со сказаниями Ч. А. Чунижекова, тоже одного из талантливых сказителей.²

Кстати, в 1935 году летом, П. В. Кучияк во время отпуска вместе с двумя сыновьями отправился пешком в родное село Куюм, которое находилось в шестидесяти километрах от города. Из дневниковых записей за девятое июля видно, что на другой день после прибытия они начали рыбачить. Решили рыбачить до старого села, но дошли до становища сказителя Туганова и вернулись обратно. Вечером Павел Васильевич записывал пословицы, поговорки, меткие слова и дразнилки (сёгюш) у Чочогой Кортиня, местного рассказчика.

Через день, одиннадцатого июля, рано утром, к тому месту, где остановился Кучияк с сыновьями, пришел Санаа Туганов. Видимо, весть о появлении сказителя-певца Ийт-Кулака — Павла Васильевича, встревожила сердце кайчи и наполнила чувством радости от скорой встречи с первым алтайским писателем, принятым в члены Союза писателей еще в 1934 году. В короткой дневниковой записи того же числа отмечается: «Эртен тура Туганов Санаа биске келди. Ол куучындаган: «Алтай-Буучайды» јети конок Чийик Капчалык деп кизи кайлаган». — «Рано утром к нам пришел Туганов Санаа. Он рассказывал: «Сказитель Чийик Капчалык семь дней исполнял каем сказание «Алтай-Буучай». Когда этот певец-кайчы поднялся на перевал горы Кёдети, к нему подъехал на багрово-рыжем коне богатырь Алтай-Буучай и спросил: «Это ты обо мне семь дней исполнял кай, это правда или нет?» — «Да, я рассказывал, правда». — «Тогда почему ты не рассказал о моем бегстве от голого богатыря назад, не поведал как я семьдесят гор своими ногами в пыль истолок, море с семьюдесятью заливами в грязь затоптал, почему ты это утаил?» — загремел он. Сказитель сильно испугался и от этого умер».³

¹ Темир-Санаа. — Новосибирск, Новосибирское областное издательство, 1940.

² В. Ябыков ло Ч. Чунижеков. Чөрчөктөр. — Ойрот-Тура, 1941.

³ Павел Кучияк: Воспоминания, дневники, письма (Сост., ред. и примеч. З. С. Казагачевой). — Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. — С. 91. перевод наш: И. Шинжин. Далее И. Ш.

Эту легенду про сказителей, по словам Кыстан (сестры писателя-кайчи), Павел Васильевич знал хорошо, даже по вариантам. Но ему хотелось, как всегда, чтобы об этом рассказывали другие кайчи, другие певцы устной поэзии народа.

Далее он пишет: «Туганов, когда мы возвращались, по пути рассказывал сказку: «Глупый парень с собачьей головой, черный парень в чешуях». Эта сказка оказалась очень хорошей».¹

Видимо, Туганов пошел вместе с рыбаками, чтобы подольше пообщаться со своим земляком и, когда пошли обратно, кайчы рассказывал ему прозаическую сказку. Жаль, конечно, что о нем есть лишь упоминание в дневниковых записях. Но общение со сказителем и работа с ним продолжались.

Из записей Кучияка-отпускника за 12 июля видно, что во второй половине дня он с другими охотниками отправился на охоту — на солонец. Ожидая всю ночь зверей, они промокли до нитки от проливного дождя, замерзли, плохо провели ночь. Вернулись с солонца 14 июля, а в дневнике появилась запись: «Сегодня, как вернулись с солонца (с охоты — И. Ш.), стал слушать сказку, рассказанную Тугановым. Эта была первая запись сказки». — «Бүгүн тустан жанала, Тугановтын айткан чөрчөгин уккан, баштапкы чөрчөкти чийгепим бу болды».²

Видимо, запись сказки продолжалась до обеда, а с полудня, как отмечено в дневнике, Кучияк ходил в гости к родственникам и знакомым, посетил более восьми юрт. И, как бы весело не было в гостях, к вечеру Павел Васильевич возвратился к себе. Затем в дневнике появилась запись: «Вечером Туганов исполнил сказание. Его кай (горловое пение — И. Ш.) был очень красивым. Сидели более десяти человек, все они слушали с увлечением и восторгом». — «Энгирде Туганов чөрчөк айтты. Кайы жараш кай болды. 10 ажыра улустар отурдылар, ончозы јилбиркеп уктылар».³

В перерыве сказитель рассказывал, как это часто бывает со всеми рапсодами и в наши дни, различные случаи из жизни людей, об их обычаях, правах, что тоже было очень интересно П. В. Кучияку. «Туганов говорил: «Если в прежние времена женщины рожали лишь двоих детей, сказывали, что потом бу-

¹ Там же. — С. 92. Перевод наш: И. Ш.

² Там же. — С. 92.

³ Там же. — С. 92.

дет им очень плохо. В такие семьи люди остерегались (воздерживались) приходиться». — «Туганов айтты: «Озогы улустар эки бала тапса, тубинде сурекей коомой болор деп айдыжатаң. Андый айылга улус та кирерге байланып туратан».¹

Данная фиксация негласного обычая народа имеет для подрастающего поколения особый смысл. В народе говорится: один ребенок — не ребенок, два ребенка — это один ребенок, а три — это два ребенка; и лишь в этом случае семья считалась нормальной — полной. Поэтому молодые люди, поженившись, с первого года совместной жизни настраивались на рождение и воспитание, как минимум троих детей.

15 июля Павел Васильевич отмечает в дневнике: «С самого утра я стал записывать сказку». — «Эртен турадаң ала чөрчөк чийдим».² В те годы слово «сказка» (чөрчөк) звучало так же, как и слово «героническое сказание». П. В. Кучияк записывал по памяти и эпос, и прозаическую сказку. Но суть в том, что он, как фольклорист, умел мастерски фиксировать произведения устного народного творчества.

В тот же день, работая со сказителем Павлом Кортиным, Кучияк сделал следующую запись: «Павел Кортин рассказал назидательные притчи «прежних людей» (то есть древних алтайцев — И. Ш.) — «Павел Кортин озогы улустың укаа куучынын айтты».³ Притчей несколько, вот одна из них: «От того, что много стреляешь, метким не станешь, от того, что много говоришь, красноречивым не будешь». — «Көп адала, мерген болбозың, көп айдала, чечен болбозың». И тут же в скобках дает объяснение, в каких случаях употребляются эти меткие выражения.

Интересная запись была произведена Кучияком 16 июля, «С самого утра я записывал сказание «Кара-Маас». Мы с Тугановым это сказание закончили записывать примерно к трем часам дня». — «Эртен турадаң ала «Кара-Маас» деп чөрчөкти чийдим. Тугановло экү ол чөрчөкти түштеги 3 часка бодолду божоттыбыс».⁴

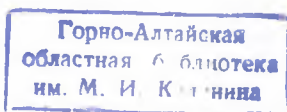
Таким образом, предполагается, что кайчи Санаа Туганов об этом сказании Кучияку сообщил уже 12 июля. Но запись,

¹ Там же. — С. 92.

² Там же. — С. 92.

³ Там же. — С. 92.

⁴ Там же. — С. 92.

552300

после предварительного прослушивания, была начата 14 июля, к тому же вечером, раньше дня, кайчи Туганов каем исполнил отрывок из текста перед слушателями села Куюм и получил от них одобрение, что заставило Кучияка уверенно вести запись до конца. Объем сказания был большой, оно состоит из 3700 стихотворных строк.

Из дневниковых записей за 16 июля следует также, что Павел Васильевич встретился с двумя товарищами из села Иланды, которые сообщили ему о пожилом сказителе Чобыды Бёкё. А в местности Кара-Суу есть человек по имени Сыгыр. «Оба они здорово исполняют кай», — сказали они. — «Экилезни кайлаарга сүрекей улустар» — дешти.¹ Естественно, второй сказитель — Сыгыр — был знаменитый кайчи, который знал сказание «Янгар». Во время беседы Кучияка с иландинскими товарищами, подошел человек по имени Трап. Он бурно говорил об объездчике, заходящем в каждую юрту с ружьем на спине и требовавшем от людей деньги за дрова. Но вместе с тем Трап оказался знатоком устного народного творчества.

Вот притча, рассказанная Трапом. Услышал он ее от женщины, которую звали Байдана. Она отличалась своими остротами и может высказаться по поводу любых жизненных ситуаций. Например, когда колхозное собрание шло долго, Байдана сказала: «Это почему же так долго, или это бег двухгодовой кобылицы, или игра детей?»² — «Бу не мындый саат, байтал бееншиг јелижи бе, балдардыг ойыны ба?»

Красноречивость Байдана проявляется в ответах на вопросы. Так, во время праздника Байдана зашла в гости к Содонной Сулуковой. Хозяйка своим вопросом задела личность гостя. Она спросила у Байдана: «Это почему же она, зажмурив глаза, пришла?» — «Не собирается же народ из-за твоих, как чара, глаз, из-за твоего лица, подобного луне, а собирается из-за праздника».³ — «Бу не кӱзин јумуп алала, келген?» — «Сениг айактый кӱзинге, айдый чырайыга албаты јуулып туру ба, байрам болордо, јуулып турбай».

Здесь речь идет о сообщении Трапа, который в своей речи употребляет притчи о народных остротцах.

¹ Там же. — С. 93.

² Там же. — С. 93.

³ Там же. — С. 93.

Записи Кучияком таких коротких народных притчей, пословиц и поговорок говорят сами за себя: ему было все интересно, что касается народного творчества, и видно, что он включает в сферу своего внимания сказителей, всех местных сказочников. Павел Васильевич не только за столом записывал образцы народного творчества, он фиксировал любую информацию этого рода, что называется на ходу; когда шел куда-либо или откуда-нибудь возвращался.

17 июля Кучияк сделал такую запись; «Утром, хорошо выпавшись, я встал поздно. А днем я разговаривал с председателем колхоза Арыкпаевым, он, оказывается, знает много сказок. Рассказывал мне две сказки, одну из них чуть-чуть не дорассказал». — «Эртен тура уйуктап калала, сон турдым. Андый да болзо, тўште колхозтын председатели Арыкпаевле куучындаштым. Ол көп чөрчөктөр билетен эмтир. Эки чөрчөк айдып берди, бирүзин арай божотпоон».¹

Из вышесказанного следует, что Павел Васильевич Кучияк с 8 июля и по 17 июля жил у Кокуля Моможокова, и за это короткое время он не только хорошо отдохнул со своими сыновьями, то есть не только охотничал, рыбачил, ходили в гости к родственникам, знакомым. Он много встречался со сказителями, с другими знатоками малых фольклорных жанров, он записывал также и героические сказания и сказки. Иными словами: в течение десяти дней собрал обширный материал по алтайскому фольклору.

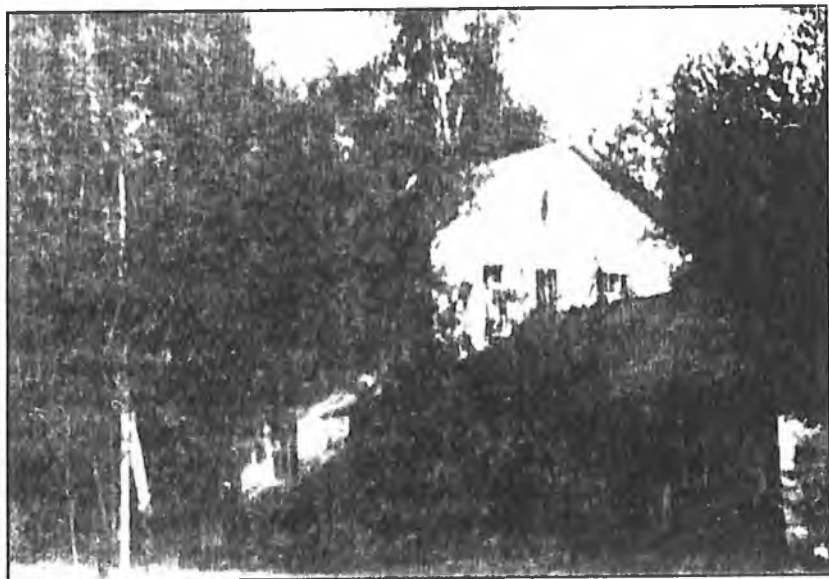
Итак, для П. В. Кучияка, до данного периода его жизни, было три важных момента. Первый — это детские и юношеские годы, когда он достаточно перенял героических сказаний не только по генетической линии от сказителей Шонкора Шунекова и Баргаа Кучияковой, но и от других певцов-рапсодов. В это время он оформился как сказитель и начал исполнять эпос. Второй — учеба в Москве, в Коммунистическом Университете трудящихся Востока и работа в совпартшколе в Горно-Алтайске. Если за четыре года учебы в Москве в его исполнительском творчестве наступил временный перерыв, то в годы работы в партшколе оно, это творчество, возобновилось. Третье — это начало интенсивного сбора алтайского фольклора после Первого съезда писателей в 1934 году, когда он был принят в члены

¹ Там же. — С. 93.

Союза писателей и получил от А. М. Горького напутствие: собирать и изучать устное творчество своего народа и учиться, и набирать мастерство в фольклоре.

Не только собирать и изучать устное народное творчество, необходимо было, вместе с тем, самому научиться писать высокохудожественные произведения. Для такой работы ему, Кучияку, не хватало знания, широкого видения жизни и умения выразить это в писательском творчестве. Надо учиться, хотя бы за короткое время. И он решился на это. И вот новым, переломным этапом в жизни П. В. Кучияка явилась его поездка в 1936 году в Москву, в Дом творчества писателей в Голицыно. Здесь он находился длительное время, (1936 г.) писал первые рассказы, повести, стихи и поэмы. Кроме того, читал произведения русских и зарубежных классиков, встречался с писателями, работниками культуры и науки, посещал театры и сам выступал в различных аудиториях столицы.

Но, оставляя в стороне литературную деятельность П. В. Кучияка, автор данной работы намерен исследовать его работы, связанные только с народным творчеством. Эта работа получила адекватное отражение в дневниковых записях писателя. Вот, например. 15 февраля 1936 года в дневнике отмеча-

Дом Творчества Литфонда в Голицыно.

лось: «Начал писать «Темир-Санаа».¹ — «Темир-Санааны» баштап бичидим».

Если Павел Васильевич в 1935 году устное народное творчество записывал в Горном Алтае от самих сказителей, знатоков легенд и преданий, сказок и песен, то теперь, находясь вдали от родины, он стал фиксировать те произведения устной поэзии, которые он слышал в детстве и хорошо помнил.

Самозапись сказителя-Кучияка сказания «Темир-Санаа» продолжалась 21 и 22 февраля и закончилась 26 февраля. Запись этого последнего дня такова: «После завтрака записывал сказание. Сегодня еще 7-ми часов не было, я закончил запись сказания «Темир-Санаа», сказание я слышал в детстве, похоже, что я забыл многие хорошие места. Все равно я с пути далеко не отклонился». — «... чайлап алган соондо чөрчөк чийдим. Бүгүн, 7 часка жеткелекте, «Темир-Санаа» деген чөрчөкти чийип бүдүрдим. Кичүде уккан чөрчөктинг жакшы жерлери ундылган ошкош».²

Действительно, это сказание он услышал в 1912 году от деда-сказителя Шонкора Шунекова, когда Павлу Васильевичу — Ийт-Кулаку — уже исполнилось 15 лет. А запись сделал в 1936 году, к этому времени ему было 39 лет. Таким образом, прошло 24 года со дня усвоения сказания и, наедине со своим дневником признается: забыты некоторые «эпические» места, отрывки из сюжетной линии, но традиционная композиция сказания сохранилась в памяти. Такое со сказителями случается часто, если когда-то услышанное ими сказание воспроизводится не сразу. Оно не забывается, если певец-кайчи временами будет вспоминать исполнять по частям весь его сюжетный каркас.

Как только закончилась запись алтайского текста сказания, Кучияк сразу же взялся за его подстрочный перевод. И эту работу, каким бы другими делами ни был загружен, он осуществляет быстро, заинтересованно. Переводом сказания «Темир-Санаа» Павел Васильевич занимался 15, 16, 17 марта. В записи за 17-е число отмечено: Сегодня я закончил перевод сказания «Темир-Санаа». — «Бүгүн «Темир-Санаа» чөрчөкти көчүрүп божоттым». Эта большая радость, но еще радостнее стало Павлу Васильевичу, когда к нему в Голицыно приехал из Москвы

¹ Там же. — С. 97.

² Там же. — С. 98.

молодой Мрык Киндиков, который учился в одном из вузов столицы. «Этому я обрадовался невыразимо. Мы вдвоем легли спать на одной койке». — «Ого айдары јок сүүндим. Экү жагыс орында јадып уйуктадыбыс». ¹ Безусловно, Мрык Киндиков стал первым слушателем «Темир-Санаа», видимо Павел Васильевич не только читал текст, по и исполнял каем в сопровождении игры на топшууре, который он взял с собой в Москву. Это во-первых. Во-вторых, Мрык Киндиков хорошо владел русским языком, значит, чтение было на двух языках, сначала очевидно, читали какой-то отрывок из оригинала, затем — соответственно — подстрочный перевод на русский язык. Несомненно, при таких условиях между кайчи-рапсодом и слушателем-студентом шел обмен мнениями о положительных сторонах текста и о погрешностях в подстрочном переводе.

После окончания работы с одним эпосом, где основной трудностью было воспроизведение когда-то услышанного, давно усвоенного текста и где наработывался первый опыт в подстрочных переводах, Павел Васильевич сразу же приступил к переводу второго героического сказания, которое он записал в 1935 году от сказителя Санаа Туганова. .

21 марта П. В. Кучияк отмечал в дневнике: «18 страниц я перевел из записи сказания «Кара-Маас». В общем-то получилась хорошая работа». — «Кара-Маас» чөрчөктинг 18 страницазын көчүрдим. Иш ойинде јакшы болды». ²

Изо дня в день он кратко записывал в дневнике, как идет работа с переводом. 22 марта: «Я перевел 450 строк». — «450 строк көчүргем». 24 числа: «С утра я немножко перевел сказание». — «Эртен турадан ала эмеш чөрчөк көчүргем». 25 марта: «Вечером я хорошо перевел (часть — И. Ш.) сказание». — «Энгирде чөрчөк јакшы көчүрдим». 26 марта: «Я переводил сказание». — «Чөрчөк көчүрдим». Самым победным днем было 29 марта, когда он закончил большую и серьезную работу: «Сегодня я сказание «Кара-Маас» перевел до конца. 3700 строк». — «Бүгүн «Кара-Маас» чөрчөкти көчүрип, учына чыктым. 3700 строк». ³

Завершив подстрочный перевод текста сказания, Кучияк указывает количество поэтических строк, считая, что за корот-

¹ Там же. — С. 99.

² Там же. — С. 99.

³ Там же. — С. 100.

кий срок он проделал значительную работу. Именно: сказание «Темир-Санаа» воспроизводилось в 2376 поэтических строках, плюс перевод на русский язык — вместе 4752 строки, а «Кара-Маас» в подстрочном переводе, вместе 7400 стихотворных строк. Итого вместе — 12152. Эта огромная нагрузка, которую он выполнил, несмотря на трудности.

Читая книгу за книгой русских и зарубежных авторов, посещая театры столицы, Павел Васильевич Кучияк снова и снова приступал к новым записям сказаний, которых он держал в памяти.

29 марта П. В. Кучияк закончил перевод эпоса «Кара-Маас», а 3 апреля он уже приступил к записи сказания «Келер-Куш», по объему это тоже большое произведение. 6 апреля он отметил в дневнике: «Днем я стал записывать немного сказание». — «Түште эмеш чөрчөк чийгем». 10 апреля: «Я записывал «Келер-Куша». — «Келер-Кушты» бичидим».¹ Затем начинается работа над сказанием «Кулакчин», оно было усвоено им в 1910 году от сказительницы Баргаа Кучияковой, когда Кучияку было 13 лет. Сказание воспроизводилось на бумаге 26 лет спустя со дня его восприятия. В дневниковых записях есть очень важная деталь, позволяющая проследить процесс создания живого эпоса.

Так сказание «Кулакчин» кайчи начал записывать 4 мая 1936 года после обеда. На другой день работа продолжалась с самого утра и до позднего вечера, и певец был доволен своим трудом. 6 мая он записал: «Сегодня я закончил запись сказания «Кулакчин». Многие места этого сказания я сам находил и записывал». — «Бүгүн «Кулакчин» деп чөрчөкти божодо чийдим. Бу чөрчөктинг көп жанын бойым таап чийдим».

Признание самого кайчи-Кучияка, что больше половины «сам находил и записывал», дает право фольклористам делать соответствующие выводы. Естественно, рапсод-кайчы «не гарантирован от ошибок».³ Но, как отмечал исследователь русских былин Б. Н. Путилов, «здесь важно в сущности не время, а то принципиальное обстоятельство, что певец, как правило,

¹ Там же. — С. 100.

² Там же. — С. 101.

³ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца: (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. — М.—Л., 1986. — С. 224.

действительно хранит в сознании некий устойчивый и, с его точки зрения, полный и верный текст песни».¹

Видимо, П. В. Кучияк, как представитель нового типа сказителей, способных «свое» героическое сказание воспроизвести и переложить на бумагу, сознательно обновил текст мотивами, элементами. Более того, кайчи, еще не закончив запись сказания «Келер-Куш», не делал его подстрочного перевода, как было раньше, сразу же приступил к фиксации «Кулакчина». Что случилось, что за спешка?

7 мая он записал в дневнике: «Сегодня много работы не доводились до конца. Чуть больше 100 строк. Переводил «Кулакчина». — «Бүгүн көп иш бүтпеди. 100 строк эмеш ажыра. «Кулакчынды» көчүргөм».² 8 мая: «Сегодня с утра переводил «Кулакчина». Много было сделано, на душе стало легче». — «Бүгүн эртен турадаг ала «Кулакчынды» көчүргөм. Иш жакшы бүтти, сыным жеңил болды». На другой день работа завершилась: «Кулакчина» перевел на русский язык». — «Кулакчынды» орус тилге көчүрүп салдым». И вот результат: «Съездил в Москву, отдав Зазубрину «Кулакчина», возвратился домой». — «Москвага барып, «Кулакчынды» Зазубринге берип, ойто жандым».³

Думается, что в 30-х годах в Горном Алтае над Павлом Васильевичем Кучияком сгушались черные тучи. Его обвиняли в том, что в своих произведениях, сказаниях в лице батыра — вождя племени восхваляет класс имущих, класс феодалов и так далее. Но несмотря на эти обвинения, он продолжает работу по сбору, переводу и публикации устной поэзии.

Следует отметить, что 14 марта Кучияк встретился с Владимиром Яковлевичем Зазубриным, переводившим в 1935 году героическое сказание алтайцев «Кегютэй». Возможно, П. В. Кучияк от него получил какое-то задание и поэтому начал записывать небольшое сказание «Кулакчин». Едва закончив подстрочный перевод, кайчи 19 мая поспешил рукопись отдать Зазубрину. И в 1937 году «Кулакчин» в переводе И. Мухачева был опубликован в четвертом номере журнала «Сибирские огни».

При внимательном чтении «Кулакчина», очевидно, что тема небольшого сказания в 20—30 г.г. была злободневной. Есте-

¹ Там же. — С. 224.

² Павел Кучияк. Указ. соч. — С. 102.

³ Там же. — С. 102.

ственно, весь текст выдержан в эпической традиции. Героями произведения являются зайсаны, демичи, шулейги и сирота юноша Кулакчин, а также торговцы и другие.

Вот краткий пересказ этого сказания, айчил-зайсан и его помощники всегда брали дань с бедного Кулакчина шкурами дорогих зверей: соболей, выдр, белок. И вот, наконец, зайсан решил, что бедняк должен привести живого волка в качестве дани. Грозный зайсан думал, что если Кулакчин дань за шесть лет платил в один год, то он все может сделать:

Юноша Кулакчин
Дань платить в состоянии:
За шесть лет в один год уплачивал.
Голова у молодого крепкая,
Руки у молодца ловкие,—
Отпустили его на три дня:
Пусть он живого волка
Ко мне в аил приведет», —
Айчил-зайсан
Так сказал.¹

Но Кулакчин не поймал живого волка, тот нигде ему не встретился. Наконец, юноша увидел молочно-белого коня, на нем ехала девушка, которая два-три раза встречалась с ним в различных ситуациях. Этот конь привел Кулакчина к своей хозяйке. Но она оказалась красивой девушкой по имени Суремей. Они соединили свои судьбы и стали жить счастливо. Однако в сознании героя осталось, что он не выполнил поручение зайсана. Согласно народной эпической традиции, эксплуататоры, в данном случае Айчил-зайсан и его помощники, должны были быть уничтожены главным героем. Но этого не случилось. Концовка повествования повисла в воздухе, хотя именно с этими недоработками, в таком варианте сказание было опубликовано в сборнике «Темир-Санаа» на русском языке. Итак, причиной такой записи и такой публикации сказания «Кулакчин» является, на наш взгляд, тот факт, что Кучияку необходимо было отразить клевету, направленную на него. Он хотел доказать, что — как писатель-кайчы и в народном творчестве берет именно тот материал, в котором высмеиваются зайсаны, баи и их помощники, — то есть эксплуататорский класс.

¹ Темир-Санаа. Указ. изд. — С. 176.

Как только «Кулакчин» передан в руки Зазубрина, П. В. Кучияк сразу же берется за продолжение сказания «Келер-Куш», запись которого он временно приостановил, 20 мая в дневнике зафиксировано: «Сегодня с утра записывал сказание «Келер-Куш». — «Бүгүн эртен турадаг ала «Келер-Куш» деп чөрчөкти чийдим». ¹ До первого июня работа шла в основном над переводом этого текста. «Примерно из сказания перевел семьсот строк». — «7 јус строк бодолду чөрчөк көчүрдим». ² Вероятно, 2 июня он закончил перевод и стал переписывать чистовик, а 3 июня поехал в Москву — отдавать рукопись Зазубрину. Теперь становится ясно: В. Я. Зазубрин был инициатором идей об издании сборника героических сказаний П. В. Кучияка «Темир-Санаа». Именно Зазубрин торопил кайчи-Кучияка записывать по памяти давно усвоенные им сказания. Он знакомился с подстрочными переводами Павла Васильевича и находил переводчиков из числа новосибирских поэтов.

Переводы алтайских сказаний, записанные по памяти Кучияком, шли быстро, и в Москве кайчи уже видел результат своего труда. 2 августа П. В. Кучияк писал в дневнике, что, находясь в гостях у Николая Ефимовича Добычина, он обрадовался из-за услышанной им новости о включении его сказания «Темир-Санаа» в план журнала «Новый мир». ³

Еще до сборника «Темир-Санаа» П. В. Кучияк записал сказание «Алтын-Тууди» и хотел издать его. Однако это крупное героическое сказание попало в руки некоторых завистников, и они, для очернения личности Кучияка, сразу же «нашли» союзников. Последними оказались ответственные работники обкома партии, которые тут же «выявили» в нем (Кучияке) ярого националиста, о чем и сетует кайчи. «Но с Енчиновым (секретарь обкома партии — И. Ш.) я не согласен насчет «Тууди» (то есть «Алтын-Тууди» — И. Ш.). Нельзя утверждать, что это мое произведение, это сказание народа и оно с древнейших времен постоянно передавалось из уст в уста, из поколения в поколение». — «Је Енчиновло мениг јөпсинишпес неме — «Туујы». Ол мениг произведением деп айдарга јарабас, ол канча үйедег

¹ Павел Кучияк. Указ. соч. — С. 103.

² Там же. — С. 103.

³ Там же. — С. 109.

бери албатыныг оостог ооско, кижиден кижиге улай айдылган чөрчөги».¹

Но дело было не только в «Алтын-Тууди». Речь идет в первую очередь о статье, которая была опубликована 24 мая 1936 года под названием «Против буржуазно-националистической контрабанды в ойротской (алтайской — И. Ш.) литературе» (газета «Красная Ойротия»). В этой статье «горячая, самоотверженная работа Кучияка по сбору и публикации произведений устного народного творчества алтайцев была квалифицирована как проявление национализма».² Но П. В. Кучияк не упал духом, он хорошо знал, что путь к сбору, записи и публикации устного народного творчества указан выдающимся писателем России А. М. Горьким.

Работа над сказанием продолжалась и в дальнейшем. 16 июня отмечалось: «Сегодня я редактировал сказание». На следующий день: «Съездил в Москву, Зазубрину отнес сказания».³ Здесь следует сказать о редактировании текстов по замечаниям В. Я. Зазубрина, который принимал активное и заинтересованное участие в переводах кучияковских сказаний. Ему было интересно общаться с самим живым писателем кайчи-сказителем алтайских героических произведений. Чувствуется, что Зазубрину, после перевода и издания им эпоса «Когутэй», приглядывался к репертуару П. В. Кучияка, чтобы найти сказание, подобное «Когутэю» или даже лучше, чтобы перевести его самому. Но он избрал другой путь: решил помочь Кучияку переводить сказания на русский язык и публиковать их в центральных изданиях.

Учитывая веяния нового времени и выявление в жизни новых предводителей-вождей, Павел Васильевич создает в этот момент современное произведение, основой которого является эпическая традиция алтайского народа. Временно оставляя работу над сказанием «Алтын-Тууди», прочитывая произведения русских классиков, работая над написанием собственных драматургических, он создает новое сказание: о Лешне. Это была эпическая поэма «Зажглась золотая заря», иначе говоря — легенда.

¹ Там же. — С. 104.

² Там же. — С. 124. (примечания составителя); газета «Красная Ойротия» от 24 мая 1936 года.

³ Павел Кучияк. Указ. соч. — С. 105.

Из дневниковых записей видно, что после окончания работы над легендой «Зажглась золотая заря», через определенное время П. В. Кучияк снова взялся за эпос «Алтын-Тууди». Если 30 августа он имел полный перевод сказания, то в последующие дни Павел Васильевич уже дорабатывал перевод по замечаниям переводчика.

Так, например, 21—22 октября он отмечал в дневнике: «Вечером переводил «Тууди».¹ Такие переводы продолжались 23, 29, 30, 31 октября. А 1 ноября в дневнике появилась фраза: «В моей первоначальной записи, как я сейчас заметил, оказалось много лишних слов». — «Менинг баштап записывать эткенимди көрөримде, көп артык сөстөр бар эмтир».² 9 ноября Кучияк отметил в дневнике: «Переводя в последний раз «Тууди», повез его и отдал Катаеву». — «Тууьыныг» калганчызын көчүрөлө, апарып бергем Катаевке».³

П. В. Кучияк, живя в Москве, много сил отдал воспроизведению по памяти сказаний, подстрочным переводам и повторному редактированию по замечаниям переводчиков, редакторов. Он работал с большой отдачей силы, энергии, умения и таланта, никогда не унывал из-за творческих проблем и неудач; снова и снова брался за дело, которое от него зависело, и никогда не подводил.

И еще: Кучияк с детских лет от отца-шамана, сказителя деда Ш. Шунекова, сказительницы Баргаа Кучияковой — усвоил множество мифов, легенд и преданий, исторических рассказов и сказок. Кроме того, он их собирал перед поездкой в Москву. И как только закончил работу с героическими сказаниями, он через три-четыре дня взялся за алтайские сказки, которые знал наизусть.

Этому предшествовало то, что Кучияк 1 августа, как отмечал он в дневнике, встретился с фольклористкой Анной Львовной Гарф. В 1987 году А. Л. Гарф сообщила автору этих строк, что, встретившись впервые с алтайским кайчи-сказителем и сказочником П. В. Кучияком, она почувствовала в нем талантливого человека. Поняла, что с ним можно работать много и плодотворно.

¹ Там же. — С. 112.

² Там же. — С. 113.

³ Там же. — С. 113.

Встретившись с А. Л. Гарф еще раз, П. В. Кучияк договорился о записях сказок для детей. Так он с 15 по 21 августа записал по памяти множество сказок, а 22 числа у него уже накопился большой материал. «Сегодня я перевел на русский язык на 24 страницах сказки, больше половины печатного листа. Работа продвинулась быстро», — писал он в тот день. — «Бүгүн 24 страница чөрчөк орус тилге көчүрдүм, жарым печатный лист ажыра. Айдары жок жылгыр болды».¹

Если над подстрочным переводом героических сказаний Павел Васильевич работал один, то перевод прозаических сказок проходил в других условиях. С ним рука об руку работала Анна Львовна Гарф, которая была добросовестна и требовательна. Совместная работа с нею над переводом сказок научила его многому, об этом свидетельствует запись Кучияка от 25 августа: «Сегодня приехал в Пушкино, вместе с Анной Львовной я перевел сказку «Медведь и бурундук». Я только что понял подлинное значение перевода. Плохой перевод, оказывается, убивает хорошо написанную книгу, а хороший перевод порой, оказывается, плохо написанной книге открывает широкий путь (к читателям). Анна Львовна человек умный, беспощадный критик, оказывается. Совместный перевод хороший, такую работу я очень одобряю». — Бүгүн Пушкиного келеле, «Айу ла көрүк» деп чөрчөкти Анна Львовнала көчүрдүм. Переводтын чыны учурлу жолунан жаңы ла билдим. Коомой көчүриш жакшы чийилген бичикти «өлтүрүп» салар эмтир. Анна Львовна сүрекей керсү, кайрал жок критик кизи эмтир. Оныла көчүреле, ишти сүрекей жараттым».

П. В. Кучияк постепенно осознает всю важность перевода сказок на русский язык. Вместе с тем он очень критически относился к их оригиналам, хотя они были написаны им самим. Так, например, Кучияк отмечает дальше, что сказка «Сары-Каан» в оригинале получилась слабой, она написана в спешке. Тем не менее, как подчеркивал он, работа с переводом получилась удачной и мастерство его в этом деле продвигалось по немного вперед шаг за шагом.³

Работа над алтайскими сказками продвигалась быстро, несмотря на то, что Кучияк серьезно занимался самообразованием

¹ Там же. — С. 110.

² Там же. — С. 110—111.

³ Там же. — С. 110.

ем и писал собственные рассказы, пьесы, делал подстрочники, переводил. Видимо, чтобы ускорить завершение книги сказок, Павел Васильевич из Голицыно перебрался на несколько дней в Москву и с сожалением отмечал в дневнике, что дни эти прошли попусту, а 18 сентября он был доволен переводами сказок и тем самым за два дня (то есть 17, 18 числа — И. Ш.) восполнил этот пробел.

Действительно, с 17 по 24 октября П. В. Кучияк записывал ряд алтайских сказок, а именно: «Аиг» (Зверь), «Талтар» (Коро-стель), «Кулакчи» (Правдивое ухо), «Кабарга-лакомка», «Сыгырган» (Сеноставка) и другие. 19 сентября Кучияк и Гарф уже начали готовить рукопись к изданию, хотя запись сказок и подстрочные переводы кайчи-сказителем еще продолжались. И вот 24 октября настал, по крайней мере, для переводов сказок последний день. В дневнике он записал: «Сегодня прибыл в Москву, написал к книге предисловие. Мы перевели его на русский язык». — «Бүгүн Москвага келип, кннганынг предисловиезин чийдим. Оны орус тилге көчүрдис».¹

После этих напряженных дней Павел Васильевич облегченно вздохнул, но договорился с переводчиком — Анной Львов-ной Гарф — о постоянной работе по записи и переводу алтайских народных сказок для детей.

Настало время возвращаться домой, в Горный Алтай. Однако неожиданно этот план потребовал коррекции. Это было связано, главным образом, с необходимостью остаться в Москве для перевода на русский язык сказки-поэмы («Зажглась золотая заря» — И. Ш.). От него потребовали немедленного перевода ее, и на это ушло 27 дней.² Кроме того, он занимался доработкой, редактированием текста сказания «Алтын-Тууди», и только после завершения этих работ 2 декабря он выехал из Москвы домой.

Московская жизнь Кучияка за одиннадцать месяцев была прекрасной в том отношении, что он для себя открыл новый мир цивилизации. Она была содержательной, так как он много занимался самообразованием, и радостной, потому что он много общался с людьми, которые с момента знакомства были его верной опорой в дальнейшей жизни и в многогранном творчестве.

¹ Там же. — С. 112.

² Там же. — С. 149.

Его жизнь в столице была настоящей школой, университетом. Одиннадцать месяцев можно считать стоили пяти лет учебы.

Кроме того П. В. Кучияк научился, в подлинном смысле этого слова, делать подстрочный перевод, приобрел навык редактирования, научился анализировать художественное слово. Будучи сам актер от природы, вник в суть жизни театра, актеров, в совместных репетициях перенял опыт и мастерство у этих людей искусства. В Москве он сумел познакомиться и с работой сотрудников радио. Кучияк не только выступал перед зрителями в театрах, перед слушателями на радио, естественно, он прошел репетиционную школу: все то пригодилось ему в дальнейшей его работе в радиокомитете и в театре у себя на родине.

Москва сама по себе явилась для П. В. Кучияка той жизненной средой, где он сумел проявить все свои творческие способности и возможности, полученные с детства от родной почвы, родной земли. Павел Васильевич ничего не утратил от своих московских друзей, он от всей души и с глубоким уважением преподнес им алтайский гортанный кай — горловое пение — в различных стилях: кёни кай (эпический), каргыра, кёмей, сыбыскы (звукоукрашательные стили). Все сказания звучали в его исполнении невероятно выразительно, и поэтому москвичи получили от такого дара большой заряд, потому что это было одухотворенным даром.

Автору этих строк не раз приходилось разговаривать с теми, кто встречался с П. В. Кучияком в 1936 году в Москве. Так, например, Анна Георгиевна Эдок (из рода иркинов), которая работала директором восьмилетней школы в селе Хабаровка Онгудайского района, в 1964 году сообщила, что ей приходилось в молодости слушать Кучияка, когда она училась в Москве. Она с восхищением вспоминала, как Павел Васильевич исполнял героические сказания гортанным пением. Естественно, говорила она, перед аудиторией он исполнял отрывок из эпоса продолжительностью не более десяти-двенадцати минут. «Вся прелесть мастерства его кая, — сообщала Эдок, — состояла в сочетании речитативного выговаривания слов горловым голосом и мелодией игры на топшууре. Наряду с этим кайчи-Кучияк тут же переводил то место из сказания, которое только что исполнял сам. Иногда объяснял, уточнял, дополнял, и все это у него получалось очень интересно, увлекательно.¹

¹ Из воспоминания Эдок А. Г. в 1964 г., с. Хабаровка (Малый-Улегем), Онгудайского района. Из записей автора работы. ЛА, ФМ., папка № 1.

В 1977 году Мрык Тодошевич Киндиков рассказывал (по просьбе автора этих строк) о Кучияке, о том времени, когда оба они в 1936 году находились в Москве. «Услышав, что далеко на окраине Москвы, в селе Голицыно, живет наш первый алтайский писатель Павел Васильевич Кучияк, выбрав время, в один из прекрасных дней весны, я приехал к нему. Его я нашел быстро, на улице среди некоторых товарищей. До этого мы, конечно, были знакомы, но в Москве встретились в первый раз. Вошли в комнату, где он живет и работает. На столе, на подоконнике были разложены книги, тетради. Войдя в комнату, я тут же и увидел музыкальный инструмент — топшуур, он висел на стене. У окна, за книгами, стояли 2 или 3 шоора (флейты), рядом лежал, на тетрадях, комус-варган. Сначала я думал, что он, композиторствует, пишет национальную музыку. Затем убедился, что это не совсем так. Он на них играет, с ними не расстается.

Павел Васильевич спрашивал обо мне, об учебе, о других алтайцах в столице. Потом принес чай, хлеб, покушали. Только после всех новостей он рассказал о себе. Главное, он воспроизводил, оказывается, давно усвоенные героические сказания. Сначала Кучияк показал тетрадь, где было написано сказание «Темир-Санаа», затем прочитал свой перевод на русский язык. Спрашивал, правильно ли получился его перевод. Кое-где что-то не соответствовало, но мы вдвоем исправляли их быстро. Настало время, около 11—12 часов ночи, Павел Васильевич взял топшуур и начал исполнять «Темир-Санаа». Он кайларил (гортанным голосом) тихо, заметив при этом, что теперь все писатели пишут произведения, мол, наш сильный голос (тыгн үн) помешает им работать.

Кучияк играл на топшууре и пел каем. Голос его гудел, но вот дошел до того места сказания, где Айачы батыр (бедняк) повел свою дочь — Торко-Чачак, как мне помнится, на берег туманного моря, оставил ее у подножья черной горы и, заливаясь слезами, вернулся домой. Когда пел про эти места, наш кайчи-Кучияк каким-то придавленным тоном голоса показал безвыходность старика, который испугался от своих врагов. У Павла Васильевича даже в глазах появилась неугасимая грусть, отчаянность. И топшуур у него звенел печально, будто и он говорил тоном голоса бедняка Айачы. Но вот звон музыкального инструмента чуть оживился, тень печали на лице ска-

зителя стала исчезать. Тут Айачы со своей женой стали уговаривать сына — Темир-Санаа, — чтобы он находился подальше от злых врагов, которые уже сообщили о своих предстоящих набегах на них, чтобы он, оставляя родителей, бродил по цветущим долинами Алтая, «на вершинах гор в облаках мягких отдыхал». Но сын Темир-Санаа родителям сказал так:

«Родные мой отец и мать!
Где вы умрете,
Там и я с вами умру;
Где жить будете,
Там и я жить буду.
От вас никуда не уйду,
Вместе с вами беду ждать стану».¹

Вот эти слова Кучияк через кай-пенне будто говорил от имени героя Темир-Санаа, четко, ясно. Причем чистым гортанным голосом, и звук топшуура будто вторил сказанным предложениям. Кучияк пел дальше:

День и ночь без устали
Амыр-Чечен старая
Сына уйти упрашивала,
Дряхлых стариков оставить,
Молодую жизнь свою сберечь.
Темир-Санаа
Сердце любящее имел,
Твердость каменную имел;
С отцом и матерью старыми
Дома остался.²

Эти строки пелись Кучияком между низким и высоким тоном голоса. Закончив исполнять до этого места сказания, Павел Васильевич поставил топшуур на край письменного стола и дал понять, что на сегодня хватит. Тексты его сказания я хорошо запомнил. Перед сном Кучияк сказал о том, как нам надо бы походить на Темир-Санаа, стать как он, чтобы уважали своих старых родителей».³

По словам М. Т. Киндикова работа над сказанием продолжалась и на другой день. Так как текст героического сказания

¹ Темир-Санаа. Указ. изд. — С. 17.

² Там же. — С. 17-18.

³ Из воспоминания М. Т. Киндикова в 1977 г. (К 80-летию П. В. Кучияка). ЛА, ФМ., папка № 1.

записывался на бумагу, то, как замечал гость, Кучияк иногда вычеркивал целые строки и вновь заполнял их новыми строками. Естественно, певец-кайчи при пении может пропустить строки, а из строк какие-то, как выражался сказитель А. Г. Калкин, украшающие слова (то есть эпитеты), и их уже не восстановить. Но тут, в момент исполнения, можно постараться, чтобы такие эпитеты, сравнения не пропускались, хотя такое случается каждый раз. А при записи текста эти «пробелы» можно легко восстановить, что и делал П. В. Кучияк. Как талантливый сказитель с незаурядной памятью, он «обладал великим искусством подбирать формулы, варьировать их, создавая новые по готовым (эпическим — И. Ш.) моделям и объединить их», чтобы придать «стиху чеканность... законность и гармоничность».¹

Исполнительское искусство Павла Васильевича, как певца-кайчи, никого не оставляло равнодушным. «Он не только хорошо знал свои сказания, но и исполнял их исключительно прекрасно, удивительно» — восхищалась Мария Григорьевна Аргокова, не раз слушавшая Кучияка в различных местах: в клубах, в театрах, по радио, перед людьми в юртах и т. д.²

Один из старейшин, которого теперь уж нет в живых, Василий Федорович Чумакаев, знал П. В. Кучияка, по его выражению, со всех сторон: как преподавателя, лектора, артиста, писателя, проводника-путешественника, ученого-фольклориста, кайчи-сказителя и т. д. Но по поводу сказительства Кучияка В. Ф. Чумакаев высказывал свою самую интересную точку зрения.

В 1936 году, когда П. В. Кучияк работал в доме Союза писателей в Голицыно, в Коммунистическом университете трудящихся Востока учились несколько молодых алтайцев, в числе которых был и В. Ф. Чумакаев. Об этом писатель в своем дневнике 24 марта написал так: «С утра немного переводил сказание. Днем пришли студенты КУТВ: Чумакаев В. Ф., Кыжыков А. А. очень я обрадовался приходу их, с ними я провел весь день». — «Эртен турадан ала эмеш чөрчөк көчүргем. Түште КУТВ-таг студенттер келген: Чумакаев В. Ф., Кыжыков А. А. Олорго коркушту суунип, олорло кожо кун өткүрдим».³

¹ Путилов Б. Н. Указ. соч. — С. 233.

² Из сообщений М. Г. Аргоковой. 1977 г., Горно-Алтайск (запись автора). ЛА, ФМ., папка № 1.

³ Павел Кучияк. Указ. соч. — С. 99.

По словам Чумакаева, когда они встретились с Павлом Васильевичем долго и душевно беседовали о жизни, об учебе студентов и потом после обмена новостями, Кучияк прочитал несколько стихотворений собственного сочинения. Но Кучияка удивило то, что студенты вдруг попросили его исполнить им кай. Кучияк сначала поиграл на топшууре, затем спел каем большой отрывок из сказания «Алтын-Тууди». Слушателям особенно понравились те места в тексте, где дочь бедного старого Ёлэнчи-богатыря намеревалась постоять за отца перед могучим Тойбон-кааном. Тойбон-каан собирался воевать с неким Караты-кааном. На эту войну Ёлэнчи-богатырь не мог идти, вместо него прибыла его дочь Алтын-Тууди. Алтын-Тууди победила и Караты-каана и своего господина Тойбон-каана, ибо они были врагами простого народа.

Как вспоминал Чумакаев, кайчи исполнял текст так разнообразно, что трудно выразить впечатление словами. В начале исполнения гортанный голос певца зазвучал как-то протяжно, будто поднимался, как легкий туман, из глубины голубой долины. После вступительной части сказания, раскрылась обширная страна Тойбон-каана, его неисчислимы богатства. Все это исполнялось низким, но мощным тоном. Но когда Алтын-Тууди возвращалась с победой, то в голосе кайчи звучала гимническая и торжественная нота».¹

Из высказываний многих слушателей Кучияка видно, что он очень неординарно исполнял эпос. Его «эпическое знание шире»,² чем предполагалось некоторыми людьми, и никогда в нем не исчерпывалось. Об этом свидетельствуют и те, которым приходилось слушать Кучияка не один раз, то есть собственные дети и родственники. Так, например, старшая дочь рапсода Полина Павловна, младшая дочь Роза Павловна — обе до сих пор восхищенно вспоминают (1997 г.) об эпическом исполнении алтайского кая отцом. А сын Николай Павлович (старший — Иван Павлович — ушел из жизни) с теплотой души говорил (1998 г.) об отцовском исполнении кая, о так называемой «Охотничьей кабаржиной». Эту песню-мелодию охотники исполняли во время промысла, когда они увидят кабарги.³

¹ Из сообщения В. Ф. Чумакаева, 1977 г. ЛА, ФМ., папка № 1.

² Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. — М., 1971. — С. 45.

³ Из рассказа Н. П. Кучияка об отце, 1997 г. ЛА, ФМ., папка № 1.

О сказительском мастерстве Кучияка сообщали также и другие родственники, например, Е. Ф. Чиндашева. Когда отмечали 100-летие писателя, ей было за 80 лет, вспоминала, что, когда она была маленькой, лет девяти-десяти, Павел Васильевич с топшууром на руках исполнял «Ескюс-Уул», «Маадай-Кара», «Алтын-Тууди». Но ей больше всего нравилась богатырша Алтын-Тууди. Особенно запал в душу тот эпизод, когда Алтын-Тууди, в одеянии мужчины, перед тем как стрелять в Караты-каана, сказала:

Родившие и вскормившие меня отец и мать,
Дочь свою не забывайте!
Рука моя, досель иголку державшая,
На железном луке не дрогни,
Пальцы, к наперстку привыкшие,
На тетиве боевой не слабейте!..¹

А. К. Бардин, зайсан рода майманов, в дни 100-летия также вспоминал Кучияка, как родственника по роду и как сказителя. «Когда Павел Васильевич рассказывал нам, детям, сказки или каем исполнял отрывки из какого-нибудь сказания, мы слушали с большим упоением, удовольствием и забывали свои шаловливые игры. Конечно, мы были маленькими, что-то забыли, что-то помним. Но его кай, его исполнение, он сам — до сих пор живут в нашей душе».²

Таковы отзывы, оценки тех, кто видел, слышал несколько или один раз Павла Васильевича Кучияка. Все они высоко ценили мастерство сказительского искусства его.

Если до сих пор речь шла о жизни П. В. Кучияка в основном по воспоминаниям его земляков, самых разных людей: родственников, студентов, других очевидцев, то теперь следует дать дань уважения высказываниям тех людей, которые встречались с ним в 1936—1937 годы в Москве, затем в Горном Алтае.

Да, с кем бы ни встречался Кучияк, он всех привлекал своей откровенностью, открытостью, добротой души, привлекательностью внешнего вида. Именно в Москве впервые стали замечать, говорить о многогранной одаренности его таланта и о нем стали писать в газетах, журналах столицы.

¹ Из сообщений Е. Ф. Чиндашевой, 1997 г. ЛА, ФМ., папка № 1.

² Из сообщений А. К. Бардина о П. В. Кучияке, 1997 г. Горно-Алтайск. ЛА. ФМ., папка № 1.

И. И. Катаев (1905—1938) — писатель.

А первым о нем написал Иван Катаев. Дело в том, что летом 1935 года Катаев приехал в Горный Алтай и П. В. Кучияк с ним совершал путешествие по родному Алтаю. «Это человек редкостной одаренности. В своей Ойротии (в Горном Алтае — *И. Ш.*) он олицетворяет собой едва ли не все искусства. — Он там единственный член Союза писателей, поэт, прозаик, драматург, критик, наставник подрастающих поэтов, фольклорист, режиссер, он — выдающийся актер, музыкант, владеющий всеми национальными инструментами, и певец, несущий в своей изумительной памяти все песни, все мелодии родной страны.

Но прежде всего и больше всего Кучияк — национальный рапсод-сказитель и в то же время поэт, печатающий свои стихи.

Пока мы ездили, он рассказывал нам сказку за сказкой, у костра на ночевке, и на ходу, и в седле: он пел былинку за былинкой. И мы поняли скоро, что Кучияк носит в себе огромный и драгоценный груз поэтического богатства своей древней национальности, и это богатство не омертвлено в нем, а живет, бродит и постоянно растет. Народ знает его».¹

П. В. Кучияк с детских лет поражал людей своей открытой душой и необычной внешностью. Так, например, М. К. Терентьева, талантливая писательница, в первый раз встретилась с ним в 1936 году в Москве, когда Кучияк жил в Голицыно. Рассказ свой о первой встрече писательница начинает так: «И когда к нам, в дом, к Ивану Катаеву, вошел высокий человек, смуглый и скуластый, и открыто и в то же время застенчиво улыбнулся, мне показалось, что знакомы давно».² Далее она передает восхищение Катаева. «Ведь Катаев, вернувшись из алтайской поездки, много и увлеченно рассказывал о новом своем друге, Кучияке, об его удивительной одаренности, о внимательности, дружеских, ненавязчивых советах в пути».³

Оказавшись в Москве, в гуще столичных литераторов, артистов, Павел Васильевич везде и всюду равно проявляет свои способности, талант. И в частных встречах на дому и перед многолюдной аудиторией он выступает с большой и разнообразной программой. «Но больше всего запомнилось мне, — писала М. К. Терентьева, — его первое выступление в дружеском кругу, в домашней обстановке. И не просто экзотика, необычность привлекали в пенье Кучияка: в его исполнении было подлинное мастерство, в мелодиях, то протяжных, то диковато порывистых, — упрямая сила и в то же время — наивность, детская открытость. В тесную комнату ворвался древний охотничий клич и неторопливые пастушьи напевы. У него был бас, но голос необычайной гибкости. Свободно звучало у него и горловое пение, вероятно, свойственное алтайцам. Казалось, переливались два разных голоса, и мелодия, и непонятные слова говорили о чем-то трогательном и значительном. Держался

¹ Катаев И. Искусство социалистического народа // Павел Кучияк. Воспоминания. Указ. изд. — С. 43.

² Терентьева М. Дружба. Там же. — С. 47.

³ Там же. — С. 47-48.

Кучияк оживленно и радостно, чувствовалась прирожденная артистичность».¹

Каждый, кто имел возможность познакомиться, сблизиться с Кучияком, открывал все новые и новые грани характера и поведения, детали в описании его внешнего вида, видел в нем алтайскую народную удаль. Однако те или иные говорили, писали о сказительском искусстве Кучияка особо неограниченным чувством и тем самым, не зная об этом, открывали его «технику» исполнения кая и других стилей: каргыраа, кёёмей, сыбыскы (свистящий).

Одним из близких людей П. В. Кучияка во второй половине 1930-х годов была московская писательница и фольклористка Анна Львовна Гарф. Она неоднократно писала о всестороннем творчестве своего друга по перу Павла Васильевича Кучияка, при этом особо отмечала незаурядность таланта в исполнении кая — гортанного пения. Ее воспоминания о Кучике дороже, чем слитки золота.

Первое знакомство П. В. Кучияка и А. Л. Гарф, как уже говорилось выше, состоялось летом 1936 года в подмосковном поселке Пушкино, где жила писательница. Павла Васильевича из Голицыно в Пушкино привез сибирский писатель Николай Ефимович Добычин. Встреча состоялась прямо у калитки дома Анны Гарф. Кучияка представил Добычин «Знакомьтесь, это лучший на Алтае проводник базы туристов. Поэт, певец, драматург, актер и еще немного колдун, вернее — кам. Умеет камлать — колдовать. А главное — отец шестерых детей».²

В этих словах Добычин подчеркнул самую суть жизни и творчества Кучияка. Видимо, Павла Васильевича смутили такие высокие слова, как «драматург», «актер», «колдун-кам», «а главное — отец шестерых детей», тем более что последнее, по обычаям алтайцев, сразу не сообщается. И по лицу его пробежало чуть заметное смущение, которое было замечено Анной Львовной Гарф. Она писала: «Слушая Добычина, Кучияк немного смущался, а может быть, чуть-чуть разыгрывал смущение, чуя, что эта его, так сказать, «алтайская» наивность нравится, импонирует, большого роста, статный, пластичный, как юноша,

¹ Там же. — С. 47-48.

² Гарф А. Ийт-Кулак — Собачье ухо // Павел Кучияк. Воспоминания. Указ. изд. — С. 52.

темные волосы, широко расставленные веселые молодые глаза. Когда он густым басом произнес: «Здравствуйте», показалось удивительным сочетание юношеского облика с таким могучим «зрелым» голосом... он выглядел молодым, немного за двадцать, хотя ему было уже под сорок».¹

По словам А. Л. Гарф, далее Добычин продолжал хвалить своего друга: «Павел Васильевич внук знаменитых на Алтае сказителей — дедушки Шонкора-Сокола и бабушки Барга. Он и сам умеет петь сказания. Здесь перед вами стоит человек-сказка».²

П. В. Кучияк — «человек-сказка». Это новое определение, видимо, сильно смутило его. Что-то новое, до которого никто не додумался. А. Гарф тут же уловила состояние алтайского писателя: «Теперь Кучияк смутился уже на самом деле, и было неловко лишний раз взглянуть на него... он в эту минуту никак не был похож на человека-сказку, уж скорее — на сельского учителя».³

Обстановка в доме Анны Львовны, по ее описанию, была дружелюбной, тут «собралось много знакомых», они «шутили, дурачились», ибо был выходной день. Павел Васильевич был «в синем, выношенном до блеска пиджаке, в светлой рубашке с черным узким галстуком... внимательно слушал, вежливо улыбался».⁴ Так как А. Л. Гарф уже занималась фольклором народов Средней Азии и Закавказья и работала в секции народного творчества Союза писателей СССР, то личность П. В. Кучияка, как сказителя, как сказочника, сразу привлекла ее внимание.

Если Н. Е. Добычин, И. И. Катаев, М. К. Терентьева уже для себя и окружающих людей «открыли» Павла Васильевича Кучияка, то представление его, как писателя и своеобразного талантливого сказителя перед группами новых товарищей все еще продолжалось. И на этот раз, когда пришли к А. Л. Гарф, Н. Е. Добычин снова «заговорил об алтайском горловом пении» и попросил Кучияка спеть.

Анна Львовна писала: «Павел Васильевич оживился:

— Это я могу. Спою охотничью, кабаржиную. В старину было ружье кремневое. Надо его установить, фитиль запалить.

¹ Там же. — С. 52.

² Там же. — С. 52-53.

³ Там же. — С. 53.

⁴ Там же. — С. 53.

А кабарга не ждет, метнулась, показала белое пятно под хвостом и нет ее! Пока ружье прилаживал, дичь упустил. Но если горловую песню охотник запоеет, кабарга встанет, уши поднимет, не шевелясь, стоит песню слушает.

Едва Кучняк запел, мы замерли, боясь спугнуть чары этой колдовской песни. Она журчала, как ручей, гудела подобно шмелю, сопровождалась серебристым посвистом. Кучняк пел, почти не раскрывая рта, — «горлом». Пел один человек, но слышалось по крайней мере два голоса. Один низкий, суровый, похожий на звук туго натянутой волосяной струны. Одновременно звучал и второй голос — высокий, светлый, вроде весеннего голоса синицы — «цю-цю-вить, цю-цю-вить, фьюнть»... Журчание ручья сменялось шелестом вод большой реки, порою слышался шепет хвон, свист ветра, звон капли. И тихий, тихий посвист. Песня была негромкая, но заполнила она гудением, жужжанием весь дом, сад, соседние улицы. Ее слышали даже в избе, стоящей на краю поселка, у самой околицы... И песня Кучняка, сливаясь с вечерней тишиной, растекалась далеко, как вода в половодье.

Горловое пение без слов называется на Алтае — кёёмей.

Кучняк также свободно владел искусством горлового двухголосного пения с произнесением слов... Перебирая пальцами волосяные струны топшуура, оттопырив нижнюю губу, Павел Васильевич особым, очень низким «орванным» голосом — «каем» — воспевал подвиги богатырей.

В тот вечер, в Пушкино, он был не только исполнителем, но и лектором. «По ходу действия» он давал пояснения, переводил отдельные стихи с алтайского на русский, рассказывал об упоминаемых в сказаниях обычаях, описывал географические особенности края, где богатыри совершали свои подвиги.

Да, все, что он исполнял, казалось простым, естественным, потому что было соразмерно, органично, никогда никакого нажима. Врожденное чувство такта не позволяло ему переигрывать. И все же такая «легкость» была не только свойством счастливого таланта, но и результатом размышлений, труда. Он умел управлять голосом, мимикой, жестами, а главное — своими чувствами.¹

¹ Там же. — С. 54-55.

Эти цитаты, взятые из воспоминания Анны Львовны, шире и глубже раскрывают мастерство сказительского таланта П. В. Кучияка. Павел Васильевич не только исполнял каем — гортанным пением — героические сказания алтайцев, но и одновременно блистательным образом пел и остальные стили горлового пения. Наблюдая за ходом исполнения кая Кучияком, фольклорист замечает, как сказитель извлекал звуки и сочетал их с мелодией игры на волосяных струнах музыкального инструмента — топшуура.

Правильно заметила А. Л. Гарф, что песня Кучияка была негромкая, однако она (то есть кай — И. Ш.) своим гудением была слышна в саду, на соседней улице и даже люди слышали ее в избе, стоящей на краю поселка, у самой околицы. Значит, кай П. В. Кучияка был звучным, мощным и в то же время разнообразным по звукоизвлечению. Это наблюдение фольклориста о громкости кая Кучияка становится убедительным и входит в легенду. Таких сказителей, как Кучияк, в Кан-Алтае были в прошлом единицы. Вот свежий пример. В 1930-е годы в селе Онгудай жил старый рапсо́д-кайчи по имени Дьиндъилей, о котором сказитель-кайчи Алексей Григорьевич Калкин (1925—1998) рассказывал так: «Его считали лучшим сказителем своего времени, говорили, что его голос в молодости будто был слышен за километр».¹

Права Анна Львовна и в том отношении, что кай не является простым, легким проявлением природного таланта, надо много работать над самим собой, трудиться и размышлять, чтобы получить такой результат.

По ходу исполнения героического сказания, как подобает певцу-кайчи, Павел Васильевич объяснял те или иные места из текста. Естественно, А. Л. Гарф сравнила Кучияка с лектором, но при этом она точно уловила, почему он, сказитель, давал пояснение, ибо в тексте сказания встречаются обычаи, нравы, мировоззрение древних алтайцев, требующие объяснения. Дело в том, что во времена Павла Васильевича Кучияка, эпические, героические сказания много таили в себе иносказательности. Они могли быть в отдельных словах, выражениях, описании

¹ Суразаков С. С. Биография сказителя А. Г. Калкина. Маадай-Кара, — М., 1973, — С. 440; Шинжин И. Б. Сказитель А. Г. Калкин. — Горно-Алтайск, 1987, — С. 9.

обычаев, поведения, действий богатырей и других персонажей. Вот отчего Кучияку приходилось много объяснять, уточнять, расшифровывать содержание исполняемого текста сказания.

Вместе с тем Анна Гарф отмечала, что «Исключительная музыкальность Павла Васильевича, большой диапазон и гибкость голоса позволяли ему исполнять ритуальные песни под звучание любого бубна. Он настраивал голос, как настраивают инструмент».¹

Автор данных строк в 1987 году в Москве встречался с Марией Терентьевой, Анной Гарф, Софьей Толстой (женой поэта С. А. Есенина). Встреча состоялась в доме М. К. Терентьевой, и была возможность, по их просьбе, исполнить эпический кай в разновидности его стилей: каргыраа, кёёмей, сыбыскы, сыгыр и т. д. Интересно было слушать их рассказ о том, как исполнял алтайский кай Павел Васильевич Кучияк, в чем была особенность этого исполнения. Говорилось во время этой встречи также и о том, как исполняет кай автор этих строк. Естественно, они были рады тому, что древнее искусство алтайцев (как эпическое творчество, так и исполнительское) существует и сегодня, не умирает, а развивается на современном этапе истории народа.

Одним из близких Павлу Васильевичу писателей был сибиряк Афанасий Лазаревич Коптелов. Они совместно работали, путешествовали по всему Горному Алтаю, дружили более двадцати лет.

А. Л. Коптелов оставил яркие воспоминания о сказительском мастерстве П. В. Кучияка, о манере певца-кайчи в воспроизведении текста под игру на музыкальном инструменте — топшууре. Естественно, Коптелов был знаком с трудами А. В. Анохина, В. И. Вербицкого, которые исследовали исполнительскую манеру алтайских кайчи.²

Вот как писал Коптелов об исполнении кая Кучияком: «Музыкант (то есть П. В. Кучияк — И. Ш.) ударяет по волосяным струнам, и голос его начинает гудеть, как гудит в полете шмель, вырывается несколько слов, сказанные речитативом, и строчка заканчивается тем же протяжным: «у-у-у-у»...

¹ Гарф А. Ийт-Кулак — Собачье ухо. Указ. изд. — С. 56.

² Анохин А. В. Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов и шорцев. Архив Горно-Алтайского республиканского музея им. А. В. Анохина; Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893.

Кучияк поет былины (сказания — И. Ш.) о каком-то богатыре, и в голосе его — что-то старческое, древнее-древнее. Порой кажется, что на сцене шелестят полуистлевшие страницы книги веков, осторожно и благоговейно перевортываемые седовласым чтецом.

— Хватит, — снова слышим мы голос Кучияка, оборвавшего песню минувших столетий, — это очень длинно, — объясняет он. — Дедушка Шонкор пел три ночи подряд...¹

П. В. Кучияк умел исполнять не только эпический кай, но и ряд других его разновидностей. Например, из воспоминаний многих современников, в том числе и Коптелова, следует, что кайчи-Кучияк много раз исполнял и «Охотничью кабаржиную» песню. Когда он пел гортанным голосом «Охотничью кабаржиную» песню, он объяснял: «Слов мало, музыки много. Слушайте меня. Я иду, я иду... Вот и вся песня. Споем раз и опять начнем».² Из-за исполнения этой своеобразной песни древних алтайских охотников Коптелов называет Павла Васильевича Кучияка «человек-оркестр». Кучияк, как писал Коптелов, «слегка приоткрывает рот, и мы слышим то скрипку, то звон крошечных серебряных колокольчиков, то щебет птиц, а порой и что-то такое, что ни с чем сравнить нельзя».³ Вот отсюда — человек-оркестр.

Вторая песня, о которой так восхищенно писала А. Л. Гарф, была «Охотничья колыбельная». Конечно, эту песню Павел Васильевич исполнял и до поездки в Москву, поэтому разные слушатели ощущали ее по-разному. «В ней еще меньше слов, — отмечал Коптелов, — чем в первой песне. Все содержание — в трех словах: «Спи, дитя, спи», но «музыкальное сопровождение» в ней гораздо богаче, ярче и сложнее».⁴ В своих воспоминаниях Коптелов говорит и о физическом состоянии певца-кайчи, его внешнем виде в момент исполнения кая: «Певец закрывает глаза, мускулы его жилистой шеи напрягаются до предела, и она становится красной, словно все больше и больше раскаляется огнем его души».⁵

¹ Коптелов А. Мой Друг // Павел Кучияк. Воспоминания. Указ. изд. — С. 38—42.

² Там же. — С. 41.

³ Там же. — С. 42.

⁴ Там же. — С. 42.

⁵ Там же. — С. 42.

И. А. Шульгина — актриса

Между прочим, Павел Васильевич, исполняя кай, никогда не забывал назвать имя своего деда-сказителя Шонкора Шунекова, других рапсодов. Он, прекрасно исполняя, например, героические сказания, говорил: «Эту песню я слышал от старика-охотника» или «Дедушка Шонкор пел три ночи подряд»... Вообще с большой гордостью он говорил: «Наши кайчи-певцы, бывало, семь ночей подряд сказки (сказания — И. Ш.) пели».¹ Иначе говоря, Павел Васильевич, каких бы высот в знании устного народного творчества ни достигал, не забывал своих корней.

Ирина Алексеевна Шульгина, старейшая артистка областного национального драматического театра, проработавшая с

¹ Шульгина И. В театре // Павел Кучняк. Воспоминания. Указ. изд. — 82.

Кучияком до последних дней его жизни, оставила интересные воспоминания об его характере: «Каждый его жест, интонация были правдивыми, но в то же время и театральными. Павел Васильевич был пластичен, музыкален, и при всей своей одержимости, горячности, играя, никогда не переступал границ, не был, как некоторые в его ролях, истеричен. Уже одна его внешность много значила — высокий, красивый, с горячими глазами, к тому же чарующий голос, гибкий, широкого диапазона, поставленный от природы. Голосом он владел свободно, так же, как и своим лицом, телом».¹

Он, как сказитель, умело и талантливо использовал свои голосовые возможности в спектаклях. Как вспоминала И. А. Шульгина, весной 1943 года Павел Васильевич в спектакле «Темир-Санаа» играл роль богатыря. Когда враги захватили Темира и стали живого закапывать в землю, Павел Васильевич — Темир-Санаа «запел арию, в которой есть слова прощания с белым светом, с синим небом, мы, его партнеры по спектаклю, едва сдерживали слезы». А его жена, Анна Максимовна, сидя в зале, действительно в тот день плакала. Ей казалось, что «в самом деле ему (Кучияку — И. Ш.) уже не встать из-под земли».² В тот же день актеры впервые увидели, как он был истощен, «как похудела шея, впали щеки. А голос, мягкий, могучий, гибкий, звучал так открыто, так печально»...³ И. А. Шульгина заключает, что «он был выдающийся кайчи»...⁴ А заслуженная артистка РСФСР Анна Петровна Алтарыкова о Павле Васильевиче писала так: «Виртуоз, импровизатор..., под аккомпанемент топшуура пел героические сказания, исполнял горловое пение. До сих пор не встречала человека, у которого, помимо красивого голоса, был бы такой многообразный репертуар песен, мелодий. Он был бесконечно разнообразен, каждый раз что-то новое появлялось в его мелодиях, во всем его облике».⁵

О больших успехах в исполнительском мастерстве П. В. Кучияка, как сказителя, в 1936 году писали и в центральных газетах и журналах страны. В них ценители искусств открыто говорили о своем восхищении. Так, например, 23 апреля

¹ Там же. — С. 79.

² Там же. — С. 80.

³ Там же. — С. 80.

⁴ Там же. — С. 81.

⁵ Алтарыкова А. Чейнеш. Там же. — С. 85.

(в статье «Интернациональная программа» газета «Известия» писала: «Самое сильное впечатление оставляет... и две совершенно необычные на наш слух ойротские (алтайские — *И. Ш.*) песни, спетые ойротским поэтом, членом Союза советских писателей Кучияком. В Ойротии принято особое горловое пение. Звук зарождается где-то глубоко в горле. Он напоминает жужжание или полет шмеля, он глух и часто еле уловим. Тов. Кучияк спел охотничью песню, в которой на фоне густого, низкого горлового тона вдруг начинает звучать прелестный охотничий рожок, выводящий самую нежную, самую тонкую мелодию. Но охотничьего рожка нет: мелодия возникает в горле певца. Тов. Кучияк своим замечательным пением вызвал заслуженный восторг аудитории».¹

Газета «Советское искусство» от 23 апреля того же года писала: «Кучияк владеет совершенно недоступной для наших вокалистов тайной двухголосного пения, производящего неожиданное и потрясающее впечатление».²

В журнале «Советская музыка», в № 12 за тот же год говорилось: «В апреле 1936 года в Московском театре народного творчества выступил ойротский писатель П. Кучияк, поразивший слушателей исключительно ярким исполнением алтайских и тувинских мелодий особым горловым звуком, дающим впечатление двухголосья».³

Эти не большие, но содержательные заметки, следует заметить, являются самыми драгоценными материалами, характеризующими сказительское мастерство Павла Васильевича Кучияка.

Таким образом, нами были рассмотрены вопросы о росте Ийт-Кулака — Павла Васильевича Кучияка — в среде сказителей и певцов, шаманов. Как он формировался и становился в юношеские годы сказителем, об успешных выступлениях среди сородичей, также во многих селах районов. Отзывы людей о сказительском искусстве П. В. Кучияка, включительно до 1936 года, подтвердились воспоминаниями писателей, фольклористов, музыкантов, артистов Москвы, Новосибирска, Горно-Ал-

¹ Известия. 1936, 23 апр. Ст. Интернациональная программа (автор не указывается).

² Советское искусство. 1936, 23 апр. (Статья и автор не указываются).

³ Советская музыка. 1936, № 12 (статья и автор не указываются).

тайска, центральных газет и журналов. Естественно, самое большое количество выступлений было в Москве. Только в театре народного творчества, как сообщает сам Кучияк, он за короткое время выступил 8 дней подряд.¹

Следует заметить, что Павел Васильевич имел не только феноменальную память, талант писателя, поэта, но и хороший музыкальный слух, певческий, гортанный голос и даже артистические способности, которых он в своей жизни проявлял равно.

О музыкальной памяти Кучияка отмечали и И. Катаев, и А. Коптелов, и М. Терентьева, и А. Шульгина, и А. Алтарыкова, которые отмечали, что Кучияк владел всеми алтайскими национальными инструментами. О том же писала и А. Л. Гарф: «Владел Кучияк и техникой исполнения на всех народных алтайских инструментах: на язычковом, маленьком, как подкова, комусе, на смычковом икили, на духовом шооре.

Но больше всего любил Кучияк щипковый инструмент — топшуур».²

Об игре Кучияка на всех музыкальных инструментах алтайского народа писал и А. Л. Коптелов. Из его слов следует, что Павел Васильевич иногда даже подчеркивал то, какой инструмент кем, когда и зачем применялся в большей части в жизни. «Павел Васильевич берет дудку, срезанную в лесу, — вспоминал писатель, — и показывает зрителям: шоор. На нем любят играть молодые пастухи.

Он встряхивает головой, играет долго, увлеченно, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

— Девушки и парни на этом инструменте объясняются в любви, — говорит артист, берет скобочку в зубы, ударяет пальцем по стальному язычку. — Вот так вот, будто слова выговаривают.

Затем мы видим топшуур, сделанный из кедра, похожий на балалайку. Музыкант ударяет по волосяным струнам».³

Итак, Павел Васильевич Кучияк своей способностью играть на всех инструментах родного народа, в том числе на скрипке-икили, амыргы, свистуле, был, можно сказать, профессио-

¹ Павел Кучияк. Воспоминания... — С. 208.

² А. Гарф, там же. — С. 54.

³ Коптелов А., там же. — С. 40.

нальным музыкантом. Кроме того, он искусно играл и на бубне шамана. При этом также исполнял шаманские обрядовые, ритуальные песнопения, превосходно плясал с бубном в руках, как истинный шаман.

Возвратившись из Москвы домой, в свой родной Горный Алтай, Павел Васильевич Кучияк отдаёт все силы служению трудовому народу. Он не только пишет стихи, рассказы, повести, драматические произведения, но большое внимание уделяет сбору фольклорного материала родного народа. Нет уголка, где бы он ни побывал, посещая села, стоянки чабанов, скотоводов. Он неустанно собирает образцы народных сказок, песен, эпических произведений

Ещё до поездок в Москву на съезд писателей (в 1934 году) и в Дом творчества в Голицыно (в 1936 году) Павел Васильевич отличался глубоким знанием алтайского народного творчества и удивлял тех, кто с ним встречался в Горном Алтае, путешествовал по всему Алтаю. Он рассказывал им не только героические сказания, но и удивительные по содержанию сказки, легенды и предания. Если в начале нашего рассказа говорилось о восприятии, усвоении народного творчества П. В. Кучияком, о том, как он становился сказителем, то теперь следует вкратце рассказать о передаче усвоенного им слушателям.

Первые слушатели, которые приехали в 1932 году из далеких краев в Горный Алтай, были немецкие писатели: Франц Карл Вайскопф (1900—1955) и Алекс Веддинг (1905—1966). П. В. Кучияк не только поведал им о первых шагах алтайцев «к светлому будущему» — к социалистическому преобразованию, но и познакомил их с историей своего народа, с его песнями, сказками, легендами, преданиями, с шаманскими мистериями.

Кучияк рос с малых лет наблюдательным мальчиком, он научился связывать жизнь людей с жизнью природы, зверей, птиц, ибо сам народ верил в то, что он создал с древнейших времен и передавал из поколения в поколение. В то же время Павел Васильевич, не нарушая традиции и сюжет той или иной легенды, вносил детали современной ему жизни. Так, например, при поездке в Улаганский район со своими новыми немецкими друзьями, он рассказывает им легенду о кукушке. В структуру сюжета Павел Васильевич вставляет регионы, где действуют персонажи легенды.

Франц Карл Вайскопф (1905—1955) — немецкий писатель

Ф. Вайскопф писал так: «Кукушка начинает свою песню. Адыйок (Кучияк — И. Ш.) воспроизводит ее звуки: раз, два. А потом придерживаясь все той же птичьей мелодии, перелагает звуки животного в человеческие слова:

— Яш тыт, каак сёёк, яш тыт, каак сёёк!»¹

— Что это значит, Адыйок? — спрашивает у Кучияка Вайскопф.

Павел Васильевич тут же отвечает очень кратко:

— Молодая лиственница, сухие косточки! Так поет кукуш-

¹ Вайскопф Ф. Врач из Улагана // Павел Кучияк. Воспоминания... — С. 30.

Алекс Веддинг (псевдоним Греты Вайскопф) — немецкая писательница
ка, согласно легенде, которая возникла в этих местах... Конечно,
но, конечно, я вам ее сейчас расскажу!¹

Начиная рассказывать легенду, рассказчик тут же дает сведения, что он слышал ее, когда ему было двенадцать лет, от старого сказителя Кабак. Однако каждый сказитель-чёрчёкчи, как поведал П. В. Кучияк, рассказывал легенды по-своему.

Эта легенда широко бытует среди алтайцев, но в момент воспроизведения ее для гостей Кучияк почему-то решил подчеркнуть место действия персонажей и даже охватил и Монголию. Рассказчик причислил к числу действующих лиц и шама-

¹ Там же. — С. 31.

на (кама), также пытался по-своему объяснить причину, почему кукушка кладет яйца в чужие гнезда птиц. Так как Павел Васильевич отвлекся в начале легенды вводным рассказом о сказителе, то продолжает повествование так: «Однако, я ведь хотел рассказать вам легенду о кукушке. Так вот: здесь, в Улаганском аймаке, жил когда-то человек со своей женой и сестрой. Однажды он уехал в Монголию и не вернулся. Жена и сестра все время ждали его, пока кам не сообщил, что человек этот умер. Два дня сидела жена в анле, плакала и жаловалась; она не поддерживала в очаге огня, и он потух. Но потом она встала, вытерла слезы, разожгла огонь и стала варить чай. Сестра же умершего продолжала сидеть и плакать — три дня, пять ночей, полмесяца. «Не плачь — сказала ей невестка, — он теперь на другом Алтае, там, где находятся зарезанный скот и жертвенные лошади; он не вернется, сколько бы ты ни плакала. Иди сюда, помоги мне собирать корни кандыка, они уже спелые и сладкие». Но сестра ни за что не хотела забыть своего брата. «Если мой брат умер, то и я не хочу жить. Я хочу стать птицей и искать его труп». Как только она это произнесла, она начала уменьшаться в размере. Ее руки стали крыльями, ее нос превратился в клюв. Она взмыла высь так быстро, что ее невестка, бросившись к ней, успела схватить только за правый сапог, который стянула с ноги. Сестра же была уже птицей и вылетела через дымоход. Она полетела на восток, к монгольским горам, летела все дальше и дальше до тех пор, пока не нашла скелет своего брата под лиственницей в Кош-Агачском аймаке. Она села на самую высокую ветку и стала жаловаться ветру, который понес ее плач на север и на запад. «Ничего здесь нет, кроме лиственницы! Ничего здесь нет, кроме кучки высохших костей!» И сейчас она все так же сидит на лиственнице и жалобно кукует: «Яш тыт, как сёёк! Яш тыт, каак сёёк!»¹

Ее сноха, то есть жена брата, уже смирилась с кончиной мужа и старалась убедить в этом его сестру. Теперь им, женщинам, предстоит заботиться о себе самим. Об этом свидетельствует одно предложение. Оплакав мужа, разжигая огонь вновь в очаге, поразмыслив о значении жизни, она решила отвлечь девочку и предлагала ей: «Иди сюда, помоги мне собирать корни кандыка, они уже спелые и сладкие». Естественно, древние люди в

¹ Там же. — С. 32.

основном питались корнями, ягодами диких растений. Одним этим предложением Кучияк подчеркнул время сложения легенды. Это упоминание о незапамятном времени.

Но главное в легенде то, что сестра ни за что не хотела забыть своего брата. «Если мой брат умер, то и я не хочу жить. Я хочу стать птицей и искать его труп». Безусловно, жена, взятая из другого рода, не стремится искать труп мужа и придать его тело земле. Но сестра с братом единокровны, они ближе друг к другу. Вот отчего сестра долго оплакивает смерть брата, находит силу искать его труп, то есть, кости. Сюжет об единокровности брата и сестры самый древний, такой сюжет с множественными мотивами бытует не только в алтайских мифах, легендах, сказках, в эпических сказаниях, но и широко распространен в фольклоре других тюрко-монгольских народов Сибири и Дальнего Востока.

Рассказывая легенду немецким гостям, П. В. Кучияк обогатил ее содержание новыми описаниями превращения человека в кукушку. Ф. Вайскопф включил эту легенду-сказку в свою книгу «Будущее в строительных лесах», ибо в ней, в легенде, отразились родоплеменные и семейные отношения, мировоззрения алтайцев, обычаи, нравы, вера, их представления о потусторонней жизни.

Если П. В. Кучияк до 1936 года включительно рассказывал сказки, легенды, предания, сказания в основном тем, кто приезжал в Горный Алтай (Ф. Вайскопф, И. Катаеву, А. Коптелову, Е. Чистяковой), то после возвращения из Москвы (в декабре 1936 года) он вплотную и всерьез занимается сбором фольклорных материалов алтайцев с той целью, чтобы опубликовать их на алтайском, русском языках.

Из различных сообщений, сведений, воспоминаний современников Кучияка, затем из письменных свидетельств писателей, журналистов, ученых нам известно, что Павел Васильевич с самого раннего детства устное народное творчество алтайцев знал очень хорошо. Все что он перенял, усвоил из уст сказочников, сказителей-кайчи и других людей, он считал «своим». Об этом он, в разгаре своего писательского творчества, работы над сбором фольклорных материалов, переводом их на русский язык, в письме к А. Л. Коптелову от 22 июля 1936 года пишет так: «У меня очень много своих сказок, а для обработки их нет

времени».¹ Конечно, слово «обработку» надо понять так: придать сказке письменный литературный язык.

Уже в Москве, в 1936 году со слов Павла Васильевича А. Л. Гарф записала такие сказки, как «Обида марала», «Нарядный бурундук», «Горностай и заяц», и в ее переводе они были опубликованы в 1937 году в №11 детского журнала «Юный натуралист». Публикация этих сказок в столице укрепила в Кучияке уверенность, что необходимо продолжать эту работу. И в 1937 году Анна Львовна Гарф уже вместе с ним ездила по Горному Алтаю собирать фольклорные материалы, и оба они стали трудиться рука об руку: записывать, обрабатывать, переводить и издавать.

П. В. Кучияк обладал ярким, искрящимся, щедрым талантом. В любую минуту, по тому или иному поводу, он мог красочно рассказывать сказки, легенды, предания, спеть песни, исполнить героические сказания алтайского народа. Устное народное творчество — не окаменевший предмет. Оно как живое существо, сохраняя народную традицию, основной сюжет, живет, развивается, питается за счет введения талантливыми людьми из народа новых деталей, мотивов и т. д. И Кучияк, как выходец из народной среды, умел пополнять, обогащать те или иные жанры фольклора. Это очевидно из наблюдений тех, кто с ним собирал, обрабатывал фольклорные образцы.

Еще Ф. Вайскопф отмечал, что Кучияк, во время поездки в Улаганский район, как услышал голос кукушки, сразу же начал рассказывать легенду, «придерживаясь все той же птичьей мелодии, перелагает звуки животного в человеческие слова: «Яш тыт, как сёёк, яш тыт, каак сёёк!»² Такое же наблюдала и Анна Гарф, когда она в 1937 году проехала по некоторым селам Республики Алтай (в то время области) вместе с Павлом Васильевичем Кучияком.

Вот как пишет А. Л. Гарф: «Когда весной мы с Павлом Васильевичем ездили в поисках сказок верхом по Алтаю, нас чуть свет приветствовала на опушке леса маленькая птичка:

— Тятя, Витю видел? — слышалось мне. — Видел-видел. Витю видел!

Но Кучияк в щебете этой пичужки слышал иное:

¹ Павел Кучияк. Воспоминания... — С. 134.

² Там же. — С. 30.

А. Л. Гарф — писательница

— Эде, эде, бее саак! Бее саак! Эде, бее саак! То есть: «Сестра, сестра, кобылу донть! Сестра, кобылу донть!» А вечером коростели кричали мне:

— Дерг-дерг-дерг!

Но Кучияк слышал:

— Тарт-тарт-тарт! Бажынан тарт, чачынан тарт! То есть: «Тяни-тяни-тяни! Голову тяни, косички тяни!»

Но как быть со сказками, где говорится о злых чарах, о колдунах, злых духах? Для Павла Васильевича все это было настоящее, живое, он все это видел в детстве, пережил, а я? В сказке «Шелковая кисточка» кам камлает, чтобы обмануть всех, от-

нять у людей прелестную девочку сделать ее своей женой. Но я никогда не видела кама, не слышала бубна, не видела ритуальной пляски. И потому не знала, как к этой сказке подступиться».¹

После приезда из командировки П. В. Кучняк взял из музея одежду и бубен шамана. Он одел на себя ритуальный костюм и стал показывать, как настоящий кам шаманил, и Гарф была поражена его способностями в роли алтайского шамана. И, таким образом, образ шамана в сказке «Шелковая кисточка» стал этнографически точным — таким, как показан в тексте, и передать все это на русский язык стало значительно легче и лучше.

Хочется привести здесь, в качестве цитаты, еще один отрывок из воспоминаний Анны Львовны: рассказ о том, как она работала с Павлом Васильевичем, как они обрабатывали тексты алтайских народных сказок.

А. Л. Гарф писала: «Смелее обращался Кучняк со сказками типа «чёрчёк» (то есть не героическими сказаниями — *И. Ш.*). Детали, подробности, как бы стершиеся в повторении многих поколений сказителей, вновь оживали в его устах. Услышанную сказку он смело насыщал пословицами, прибаутками, шутками, поговорками. Повторяя слышанное, он обогащал его, не приукрашивая, но уточняя.

В сказке «Брат и сестра» люди, спасенные охотником Боролдой-Мергенем, благодарили его. Павел Васильевич не останавливался на бесцветном слове — «спасибо», по, мысленно перебирая различные, бытующие на Алтае формулы благодарности, ищет самую для данной сказки подходящую: «Не стареющим, крепким будьте, сто лет живите», «Пусть закрома ваши пустыми не стоят», «У подола вашей шубы пусть всегда топчутся дети, у порога вашего аила пусть белый скот сыворотку пьет». И наконец он произнес: «Будь же ты, как заяц, белый, как овца, жирный, сто лет живи, на быстром коне езд!»

И на этом не успокоился, развернул шире: «Нам, не видевшим солнца, ты солнце дал, луны не знавшим, луну подарил. Будь же ты, как заяц, белый, как овца, жирный, сто лет живи, на быстром коне скачи!»

Прочитав это, Павел Васильевич засмеялся, обрадовался:
— Законный, законный!

¹ Там же. — С. 55-56.

«Законный» — было высшей похвалой в его устах.

Сказку «Медведь — судья» мы услышали в анле, где над костром на треноге стоял до того закопченный котел, что казался отлитым из сажи и сала. Когда мы после сытного ужина и теплой араки, которую надо было отведать, чтобы не обидеть хозяина, выбрались на волю, то тут же к описанию жилища медведя прибавили свежие впечатления:

«Перед ним (медведем) жарко трещал костер, над огнем стоял на железном треножнике золотой котел с семью бронзовыми ушками. Этот свой любимый котел медведь никогда не чистил, боялся, что вместе с грязью счастье уйдет, и золотой котел всегда ста слоями сажи, как бархатом, покрыт».¹

Таким образом, хотя собранные нами на Алтае сказки и «настоящий законный», они не являются записями этнографическими. Они записаны литераторами.²

Мы ездили по Алтаю с небольшими деньгами, и потому спешили услышать возможно большее число рассказчиков в самое короткое время. Не все, что слышали, успевал записывать Павел Васильевич по-алтайски и, случалось, тут же, на ходу, пересказывал сказку сразу по-русски.

Русский язык Кучияка был не очень богат, но когда он своим неправильным русским языком рассказывал алтайские сказки, речь его воспринималась не как ломаная, а как особая, сказочная. Он дополнял, вернее, одухотворял слова мимикой, жестом, интонацией.

Я записывала не только то, что он говорил, но старалась передать и то, как он говорит, наделяя зверей его интонациями, пытаюсь словами передать образы, создаваемые Кучияком-актером».³

Записанные и собранные П. В. Кучияком материалы являются самыми популярными во всех уголках Горного Алтая у алтайцев. Некоторые сказки имеют свои варианты, версии, но у всех сходны или одинаковы сюжетные корни, целостность композиционных линий и основаны они на народной традиции. А малая часть из тех сказок, которые записывал и опубликовал Кучияк, в настоящее время в народной среде не встречаются.

¹ Там же. — С. 61.

² Там же. — С. 61.

³ Там же. — С. 60-61.

Видимо, знатоки этих сказок, в 1930-е годы были репрессированы, ибо погибли на поле брани во время Великой Отечественной войны, либо умерли по старости, не сумев передать свои знания последующему поколению народных талантов.

Результатом больших усилий Павла Васильевича Кучияка и Анны Львовны Гарф явились публикации алтайских сказок на русском языке. Отдельные сказки в 1937 году были напечатаны в журнале «Сибирские огни». В том же году в Новосибирске был издан в литературной обработке Гарф и Кучияка сборник «Сказки Алтая», куда вошла двадцать одна сказка. Они являются образцами этого жанра, отличаются новизной, высокохудожественными средствами, проникнуты народным духом. Сборник был адресован детям, в качестве предисловия было одно лишь предложение: «Сказки записаны со слов алтайских сказителей ойротским (алтайским — *И. Ш.*) поэтом Павлом Кучияком». В Новосибирске же в следующем, 1938 году вышел сборник «Алтайские сказки», затем — под таким же названием — в 1939 году, в Детгизе, в Москве. Эти сборники потом не раз переиздавались в Новосибирске, Барнауле, Москве, некоторые сказки с русского языка переводились на языки народов Сибири.¹ Вместе с тем многие сказки, собранные и опубликованные П. В. Кучияком, вошли на алтайском и русском языках в учебники, в хрестоматии для алтайских школ, детских садов и т. д.

Как бы не утверждала А. Л. Гарф, что сказки, собранные ею вместе с П. В. Кучияком, не являются этнографическими, все равно эти сказки сохраняют в себе интонацию и колорит живой речи, обаяние души народа, подлинную традицию и оригинальность устного творчества алтайцев.

Павел Васильевич Кучияк не только собирал, как фольклорист, алтайские народные сказки и составлял книги, но и писал к отдельным сборникам предисловия. Так, например, он написал предисловие к книге «Алтайские сказки» (М., Детгиз, 1939), по оно по каким-то причинам не было опубликовано. Оно увидело свет лишь в 1978 году, в сборнике «Танзаган — отец алтайцев» (М., «Художественная литература»). Предисловие называется «Мой Алтай».²

¹ Сибирские сказки. — Новосибирск, изд.-во, 1957.

² Кучияк П. Мой Алтай // Танзаган — отец алтайцев: Алт. Сказки. — М., 1978. — С. 7—13.

Кучияк не только сочно пишет о чарующей красоте природы Горного Алтая, об его несметных богатствах, но и старается раскрыть детям благородную душу живущего здесь народа, этот народ создал с древнейших времен прекрасное устное поэтическое творчество, состоящее из сказок, мифов, легенд, преданий, пословиц, поговорок, героических сказаний. Создателем их является трудовой народ. Но до Октябрьской революции, как пишет Кучияк, «жизнь людей среди этой природы была тяжелой, горькой, и свои богачи, и князья-зайсаны, колдуны-камы, и царские чиновники, и приезжие купцы — кто только не обижал темных безграмотных скотоводов и охотников! Жили алтайцы в берестяных аилах, пол земляной, детишки нагие, никогда не знавшие, что такое мыло, белье... Вместо постели старая овчина, вместо рубахи — у стариков зимой и летом овчинный тулуп, у детишек зачастую и того не было. Казалось, сама природа нарочно угнетает бедняка — весной дождь, зимой мороз...

О жизни тогдашней можно судить по печальным алтайским напевам, по словам старых песен:

«Я ношу старую козью шубу, подол без опушки. Бедной матерью рожденный, света-радости не вижу. Шубу из старой лошадиной шкуры, без воротника, без подпушки я донашиваю. Отцом бедняком сотворенный, счастья-смеха я не знаю»...¹

Таким образом, П. В. Кучияк умел доступно рассказать детям о тяжелой, изнурительной жизни в прошлом времени алтайцев, однако «рождались и в берестяной юрте великие люди, мастера петь и слагать стихи о великих подвигах своего народа. И в этих песнях забитый пастух становился великим богатырем, а могучий хан оказывался беспомощным и глупым». Но настало другое время, советское. Все теперь в руках простого народа, и теперь талантливые люди продолжают петь, рассказывать сказки, сказания, легенды и предания, в которых прославляются люди труда, люди великих свершений. Но в данный момент, «колхозной осенью, — как писал Кучияк, — алтайцы сказок не поют, не рассказывают. Народ весь на уборке. Колхозники с весны трудились, и оставить урожай под снегом никак нельзя».² Отсюда ясно, что Павел Васильевич объяснял

¹ Там же. — С. 9, 10.

² Там же. — С. 9, 10.

юным читателям обычан алтайцев, нравы их. До недавнего времени алтайцы четко придерживались правила: сказки рассказывать только в зимнее время, ибо, по народным поверьям, в зимнее время вся нечистая сила, как старая магическая сила, притупляется, находится в состоянии бессилия, в спячке. В это же время новая зима, новый холод рождает новую магическую силу, но она всегда должна быть выше, чище, она имеет более здоровое, сильное основание. В такое время и сказители, и сказочники всю ночь, несколько дней могут рассказывать не только прозаические сказки, но и исполнять каем крупные героические сказания.

Кстати, именно П. В. Кучняк впервые в алтайской фольклористике четко проводит границу между сказителем и сказочником. До 1936 года он сам пользовался этими терминами не-определенно. Иногда он о сказителе говорил «чёрчёкчи» — сказочник. Также не было у него четкой границы между терминами «чёрчёк» — прозаическая сказка и «кай чёрчёк» — героическое сказание. Оба термина произносились им как «чёрчёк» — сказка. Но порой Павел Васильевич уточнял их. Например, когда он рассказывал Ф. Вайскопфу легенду о кукушке, то произносил такие предложения: «Легенду эту я знаю от самого знаменитого на Алтае чёрчёкчи, то есть сказителя. Его звали Кабак». Далее он произносил слово «сказитель» один раз, в остальных случаях только «чёрчёкчи»: «придет чёрчёкчи», «для чёрчёкчи», «чёрчёкчи сидел», «чёрчёкчи начинал петь и рассказывать», «рассказы чёрчёкчи слушали от захода до восхода солнца». ¹ Кучняк даже слово «исполнять» реже произносил, в большей мере употреблял выражение «пел», «рассказывал». С конца 1936 года у Павла Васильевича, когда он находился в Москве, уже появилось такое выражение как, например, «горловое» пение. Это слово вставлялось им в речь и тогда, когда он рассказывал про охотничью кабаржиную песню. «А кабарга не ждет, метнулась... и нет ее! Но если горловую песню охотник запоет, кабарга встанет... песню слушает», — так он объяснял москвичам. ²

Однако, когда П. В. Кучняк вплотную занимался фольклорными материалами (уже в 1937 году), у него появились точ-

¹ Вайскопф Ф. Врач из Улагана // Павел Кучняк. Воспоминания... — С. 31.

² Там же. — С. 53.

ные выражения и даже синонимичные параллели. А. Л. Гарф вспоминала, что однажды при беседе Павел Васильевич как-то вздохнул и на вопрос — о чем это, он ответил: «Да вот старика одного вспомнил. Знаменитый он был на Алтае певец-кайчи. Звали его Чник Капраилов». Еще ниже Кучняк говорил: «Тут кайчи ум потерял...» «Где сидел кайчи, там и умер».¹ Эти предложения взяты из легенды о сказителе. Итак, в данном случае Павел Васильевич конкретно, точно говорил о сказителе-кайчи, певце-кайчи, о кайчи, который исполнял героическое сказание «Алтай-Куучини».

Появились у Кучняка и такие слова: «старик-кайчи», «кайларить», «кайларил». То есть сказание исполняют каем — гортанным пением. От слова кай образовалось слово кайларить, кайларил. А об Улагашеве говорил так: «самый достойный кайчи», «может замечательно кайларить и помнит много сказаний».²

П. В. Кучняк, как внимательный исследователь-фольклорист, уже в 1937 году в предисловии к сказкам, дает совершенно точные определения относительно исполнения героических сказаний и прозаических сказок. И здесь вновь следует представить слово самому Кучняку:

«Долгими осенними или зимними ночами пастухи, охотники соберутся, бывало, под мохнатым кедром у яркого костра. После чашки горячего чая выкурят один из них (видимо, сказитель — И. Ш.) трубку листового табака и ударит указательным пальцем правой руки по двум струнам топшуура. Звук струны, свитой из конского волоса, так нежен, что кажется, будто снег вокруг костра от этого струнного звука тает. И вот начинается горловая песня — кай. Эта песня еще только тихо-тихо течет. Слушателям думается, что где-то далеко-далеко шершень летит или, может быть, это майский жук. Этот неведомый тайный звук становится все ближе и ближе. И вдруг все понимают — это поет тот, кто взял в руки топшуур. Все ожидают, когда же начнется сказание. Просят, умоляют певца воспеть подвиги богатырей. Кайчи протяжно кашляет, и внезапно после паузы польются слова, будто через плотину горная вода потечет.

О чем пели кайчи?

¹ Павел Кучняк. Указ. соч. — С. 63-64.

² Там же. — С. 70.

До наших дней сохранились старинные алтайские сказания, до сих пор помнят эти сказания мастера устного народного творчества и поют их. Это легенды о сироте, который находит друзей, побеждает врагов. Обиженные жестоко мстят за свою обиду. Оборванные, на худых лошаденках бедняки побеждают какого-нибудь известного своей силой и богатством каана. Но, конечно, сказания не ограничиваются только такими сюжетами. Воспевали народные певцы и любовь верную, преданную, и любимых девушек, и красоту природы.

Пастухи и охотники, вынужденные кочевать по лесам, по горам, постоянно наблюдали природу, как встает из земли трава весной, они всех раньше слышали февральскую песню синицы: «дьял-кел, дьял-кел» — «весна, приди, весна, приди!» летом им не давал спать коростель, выкрикивая хриплым голосом свое «таарт-тарт, таарт-тарт» — «дерг, друг, дерг!» утрами и вечерами они слышали крики журавлей у болота.

Пастухи и охотники наблюдали не только повадки птиц и зверей, они смотрели и на звезды, пытались дать свое толкование движениям созвездий. Все свои впечатления они передавали то стихами кая, то прозанческой сказкой чёрчэк».¹

Во-первых, эти слова П. В. Кучияка являются размышлениями о создании народом героических сказаний и о том, из чего складываются прозанческие сказки-чёрчэк. Во-вторых, он совершенно четко определил: героические сказания состоят из стихотворных строк и их исполняют каем-пеннем сказители-кайчи, притом под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента — топшуура, в течение нескольких дней, а сказку рассказывают прозой чёрчэкчи-сказочники.

Итак, на наш взгляд, Павел Васильевич Кучияк уже в 1937 году ясно выразил и обосновал, кто такой сказитель-кайчи и кто такой сказочник-чёрчэкчи. Однако многие исследователи фольклора алтайцев не ссылаются на эти анализы и выводы П. В. Кучияка, не указывают его имя.²

Большое внимание Павел Васильевич Кучияк уделял и сказителям-кайчи. Выросший в сказительской среде, он знал все

¹ Кучияк П. Мой Алтай. Указ. изд. — С. 10-11.

² Суразаков С. С. Героический эпос алтайцев // Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ, — Горно-Алтайск, 1958, вып. II. — С. 65-66; Суразаков С., Кондаков Г. В созвучии с традицией // Танзаган — отец алтайцев. — М., «Художественная литература», 1978. — С. 5.

тонкости творческой лаборатории сказителей всех рангов: знаменитых, средних, менее талантливых. Знал обычаев их, психологию, нравы, поведение, а также высоко ценил он и отношение народа к этим кайчи-рапсодам.

Немецкий писатель Ф. Вайскопф в 1932 году, во время совместной поездки с Кучияком по некоторым районам области, воочию видел и слышал алтайских сказителей, с большим удовольствием, упоением слышал исполнение самого Павла Васильевича. В то же время от него слышал и легенды, рассказы о знаменитых певцах-кайчи. Вот живой рассказ Кучияка об одном кайчи, целиком включенный Вайскопфом в сюжет своего романа о Горном Алтае: «Я знаю... знаменитого на Алтае чёрчэкчи, то есть сказителя. Его звали Кабак, он умер, когда мне было 12 лет, но я очень хорошо помню все, что происходило, когда он приходил в наше село. Как только становилось известно, что к нам придет чёрчэкчи (сказитель — *И. Ш.*), женщины приготавливали много талкана, выбирали жирную овцу, устанавливали сосуды для гонки араки. Для чёрчэкчи сразу же начинали подбирать подарки: кожаные бутылки для араки, кисет, мешочки с талканом. Если ожидался Кабак, тогда особенно ценные подарки: изящная трубка, меховая шапка, два или три барана, а иногда даже конь. Когда сказитель приходил, все собирались в самом большом айле. Сначала ели, курили и пили. Чёрчэкчи сидел на почетном месте с левой стороны от огня; рядом с ним на медвежьей шкуре лежал его топшуур — длинный струнный инструмент. Вечером чёрчэкчи начинал петь и рассказывать. Чаще всего он рассказывал до утра, но бывало и так, что одна-единственная история занимала три ночи. Тогда все спали днем, а рассказы чёрчэкчи слушали от захода до восхода солнца. Это были все те же сказки и легенды, однако каждый чёрчэкчи рассказывал их по-своему. Когда рассказывал Кабак, нам казалось, что мы сами были вместе с героями и гигантами Алтая, — когда они переплывали через озера с отравленной водой, переезжали через огненные горы; когда они отыскивали и уничтожали духов-двойников своего врага и его коня в животе медведя или змеи; когда перед каждым серьезным испытанием они говорили со своим конем: «Черномордый, днем — мой крылья, ночью — мой спутник, посоветуй, что мне делать?»¹

¹ Вайскопф Ф. Врач из Улагана // Павел Кучияк. Воспоминания. Указ. изд. — С. 31.

В первую очередь Вайскопфа здесь интересовали обычаи алтайцев, то, как они готовились к предстоящей встрече со сказителем, как они усаживали его на почетное место в юрте, находившееся на мужской половине. Для западных читателей, тем более для немцев, интересно было знать, как алтайские сказители-рапсоды одно героическое сказание исполняли гортанным пением в течение трех дней подряд. Еще интереснее, как певца слушают окружающие люди, как ведут себя они во время исполнения эпоса, и о чем, о ком рассказывается в столь длительное время в тексте. Вместе с тем П. В. Кучияк в одном только предложении дал «ключ» фольклористам к пониманию того, что одно и то же произведение устного народного творчества каждым сказителем-кайчи может исполняться по-своему, то есть неодинаково.

Естественно, Кучияк знал с юношеских лет о вариантных отношениях устного народного творчества. Его длительное пребывание в Москве и общение с разными людьми науки, культуры много дали ему и он убедился в правильности собственного подхода к устно-поэтическому творению народа.

А какие и с кем были встречи в Москве? Это были встречи с писателями: Иваном Катаевым, Марией Терентьевой, Николаем Добычиным. В Доме творчества писателей в Голицыне он часто общался с Егише Чаренцем, Мусой Джалилем, в доме Катаевых общался с Николаем Зарудиным, Борисом Губером, Александром Фадеевым. Были и разговоры, беседы с профессором, крупнейшим ученым-фольклористом Юрием Матвеевичем Соколовым, частые встречи с писательницей-фольклористкой Анной Гарф, с историком Еленой Иосафовной Дружининой (Чистяковой). Все эти люди дали Павлу Васильевичу большой заряд для дальнейшей работы не только в области литературной деятельности, но и в алтайской фольклористике.

Именно после Москвы, вернувшись с большим багажом знаний в литературе, в театральном искусстве, в фольклористике, П. В. Кучияк с головой окунулся в творчество. Наряду с написанием художественных, драматических произведений, занимаясь публикацией их на алтайском, русском языках, Кучияк теперь, иначе, чем это было раньше, вплотную занимается и сбором крупных героических сказаний алтайцев, он стал больше записывать различных фольклорных материалов.

В первой половине 1937 года Кучияк по крупинкам собирал отрывки героических сказаний «Алтай-Буучай», раньше оно носило название «Алтай-Куучын». Об этом он пишет в письме к А. Л. Гарф от 26 апреля 1937 года: «Я сейчас работаю над алтайскими текстами. Главного «Алтай-Куучина» начал, я его хочу с начала до конца записать».¹

В Горном Алтае уже в 1930-е годы сказителей, из-за репрессий, очень мало оставалось. Кроме того, кто остался в живых, не давал о себе знать. Но Павел Васильевич искал их неустанно. Поэтому-то в 1937 году Павел Васильевич Кучияк с горечью написал к сборнику «Алтайские сказки» предисловие, где говорилось о сказителях так: «Сейчас наш народ новые сказки, новые песни слагает. Но наряду с этим люди помнят и старое. Это настоящий золотой фонд — наш героический эпос. К стыду нашему, еще мало записываем, еще недооцениваем значения алтайского народного творчества. Произведения алтайского эпоса знают по большей части старики старше шестидесяти-семидесяти лет. Не надо ждать счастливой случайной встречи со стариком кайчи, не надо надеяться, что будет время, еще успеем записать сказку. Следует искать этих кайчи, как охотник ищет след драгоценного зверя, которого уже почти не осталось на земле.

В этом сборнике лишь небольшая часть того, что хранят в своей памяти алтайские сказители.

Мы действительно охотились за этими сказками, как охотники за дичью. Услышим где-нибудь сообщение о каком-либо сказителе и потихоньку отправляемся туда. Переходим бродами бесчисленные алтайские ручьи и реки, переходим через горные перевалы. Наконец мы приехали к анлу сказителя. Спешимся, расседываем коней.

Старик смотрит на нас приветливо:

— Кайда дьорген, улустар? (Куда едете?) — спрашивает.

Мы отвечаем.

Услыхав о сказках, он сдвигает брови:

— Бош йок (времени нет), — скажет он сурово.

Но потом, после наших уговоров-разговоров, добавит, как бы нехотя:

¹ Из писем П. В. Кучияка к А. Л. Гарф. // Павел Кучияк. Воспоминания... — С. 156.

— Ну если это шибко надо, то могу немного рассказать, — и при этом чуть заметно улыбнется, сощурив глаза.

И вот начинается рассказ или песня. Слова катятся друг за другом ровно, гладко. И тут только успевай записывать!

Под конец он улыбнется дружески и скажет:

— Бүгүн болор (На сегодня хватит). Иду на работу, я колхозник. Не выйти на работу неудобно.

Набьет еще разок трубку табаком, крепкими руками пожмет наши руки и зашагает к своей работе».¹

В данных высказываниях П. В. Кучняка о певцах-кайчи видно сказительская среда, которая все еще жила и находилась на грани затишья... Сказитель... Сказитель — колхозник. Он занят днем и ночью на работе, если не выйти на работу, то это не только неудобно, но и опасно, тем более в 1930-е годы, годы репрессий, этого Кучняк не скрывал. Забегая вперед, можно привести следующий пример. Еще до встречи с Н. У. Улагашевым Гарф и Павел Васильевич были уже у талантливого восьмидесятипятилетнего кайчи-певца Болчока Отугашева. На просьбу рассказать сказки и сказания, старый сказитель сильно возмутился. Он принял просьбу, как отмечал Кучняк, сначала за злую насмешку. «Как это? Сказки запрещены советской властью, а эти просят рассказывать их!»

«Дело в том, — писал Павел Васильевич, — это национал-фашисты распространили «теорию», по которой сказки и народные песни считались не только ненужными в наше время, но и вредными».²

Кстати, Горный Алтай в это время был полон сказителями всех возрастов и уровней таланта, но сложность состояла в том, чтобы к молодым не привлекать внимание властей, проводящих сплошную политику репрессий. Однако люди выявляли, естественно, значительно молодых и талантливых исполнителей-кайчи, которые уже считались достойными продолжателями традиции сказительского искусства.

Тем не менее, Павел Васильевич, живя в Горно-Алтайске, путешествуя по всем районам, не раз слышал о сказителе Николае Улагашевиче Улагашеве, который жил в Турачакском аймаке, но как-то не приходилось ему съездить к нему.

¹ Кучняк П. Мой Алтай. Указ. изд. — С. 12-13.

² Кучняк П. В гостях у кайчи // Октябрь, 1939, № 5-6. — С. 301.

Но вот настало счастливое время, из Москвы приехала Анна Львовна Гарф. Они вдвоем в июне месяце 1937 года поехали к Н. У. Улагашеву.

Известный сказитель Николай Улагашевич Улагашев (1861—1946) знал более сорока героических сказаний, сотни сказок, мифов, легенд, преданий, песен и т. д. Кучияк сразу же берется за организацию записи сказок, сказаний этого замечательного певца, перевез его в Горно-Алтайск, к себе, в дом. Он записал от Н. У. Улагашева такие сказания, как «Алып-Манащ», «Кёкин-Эркей», «Ак-Тайчи», «Козын-Эркеш», «Кан-Толо», «Ескюс-Уул», «Малчы-Мерген» и другие. Записывала героические сказания также и старшая дочь Павла Васильевича Аполлинария Павловна Кучияк, к записям привлекались и другие: А. Рогова, Н. Куранаков. Дом писателя как бы превратился в научный центр, где шла самая ответственная работа: живая фиксация. Сам Павел Васильевич показывал им личный пример: точно, хорошо записывать все то, что ведает семидесятивосьмилетний сказитель. Записывались от него героические сказания, прозаические сказки, мифы, легенды, предания.

В то же время Павел Васильевич Кучияк стал переводить сказания Н. У. Улагашева на русский язык и начал их издавать на алтайском, русском языках. Они вошли в мировую сокровищницу по эпосу народов мира.

Первая публикация сказаний Н. У. Улагашева осуществилась в 1941 году в книге «Чёрчэктёр». На русском языке в 1941 году в Новосибирске выходит его сборник «Алтай-Буучай», а в 1947 году в Горно-Алтайске выходит в свет сборник героических сказаний «Малчы-Мерген». Во всех этих изданиях Павел Васильевич принимал деятельное участие: он делал много подстрочников эпических произведений Н. У. Улагашева. Кучияк собрал вокруг Улагашева большую группу писателей из Новосибирска, которые делали переводы. Кроме того, Павел Васильевич Кучияк очень широко, научно комментировал все тексты каждого сказания. Именно благодаря Кучияку, благодаря его внимательному отношению к переводам, к комментариям, к словарным объяснениям сборники Н. У. Улагашева были изданы на высоком уровне.

Сам истинный сказитель, П. В. Кучияк при встрече с Н. У. Улагашевым сразу определил и оценил репертуар его. Дей-

ствительно, сказания его отличались разнообразными сюжетами, в них видны были древние корни характера алтайцев, обычаи, верования их, быт и склад жизни сохранились в первоизданном виде. Хотя сказитель жил совершенно в другом социальном строе,

Все-таки все сказания, в большей части, сохранили свою демократическую основу, все главные герои выходцы из народа, и тем самым никогда не теряли, не изменяли свою преданность родному народу, язык улагашевских сказаний и сказок был богат и разнообразен, глубоко народный.

Итак, при встрече Павел Васильевич Кучняк, главным образом, определил широту репертуара, углубленность идей, образность языка героических сказаний Н. У. Улагашева и пришел к выводу, что он в регионе Сибири, в Горном Алтае является «Гомером XX века» у алтайцев.

Именно Павел Васильевич Кучняк является первым исследователем жизни сказителя, в данном случае, Н. У. Улагашева. Он первым дал конкретную картину, страницу жизни певца-кайчи. Описывал обстановку, где тот жил, затрагивал проблемы манеры исполнения эпических сказаний. Не только сам писал, но он полностью обеспечивал материалом, например, А. Л. Коптелова, чтобы тот мог написать биографию Улагашева для сборников «Алтай-Буучай», «Малчы-Мерген» и т. д.

Как только были записаны от певца несколько сказаний и переданы (в подстрочниках) на русский язык, Кучняк сразу же написал статью об Улагашеве «В гостях у кайчи».¹ Совместно с А. Л. Коптеловым Кучняк написал статью «Н. У. Улагашев — певец Ойротни».²

Кучняк был восхищен богатырским видом сказителя. Свою статью «В гостях у кайчи» он с этого и начинает: «Н. У. Улагашев оказался дома. Это был высокий, широкоплечий старик, с мужественным коричневым видом. Меня, помню, особенно поразили его руки с необычайно крупными и сильными пальцами. Такими пальцами сгибают подкову, рвут цепи: как-то трудно было представить их перебирающими волосяные струны топшуура».³ Далее Павел Васильевич переходит к описанию

¹ Кучняк П. В. В гостях у кайчи. Указ. изд. — С. 199—303.

² Кучняк П. В., А. Л. Коптелов. Н. У. Улагашев — певец Ойротни. Сибирские огни. 1939. № 2. — С. 32-36.

³ Кучняк П. В. В гостях у кайчи. Указ. изд. — С. 300.

детства Улагашева, отметив при этом, что природа наделила его богатырской силой и памятью — чистой, глубокой, как воды Золотого озера Алтын-Кёл». ¹ Мальчик, действительно, с восьми лет помогал отцу во всех домашних делах, а в следующем году встав на лыжи, с отцом отправился на охоту.

Почти каждая строка Кучника об Улагашеве является хрестоматийной, ибо жизнь и начало сказительского творчества Улагашева были типичной для всех певцов-кайчи Горного Алтая. Именно в среде охотников у маленького Николая зародилась любовь к родным алтайским эпическим сказаниям, сказкам. Для Николая школа кайчи-сказителя началась именно у костра охотников. Именно в то время он полностью отдался искусству сказителей. Стояла снежная, морозная зимняя ночь 1868 года, а по всему Алтаю шла слава таких знаменитых певцов-кайчи, как Кыскаша и Кабака Тадыжекова. Они каждое сказание исполняли, рассказывали в течение двух-трех ночей, и слушая певцов, никто из слушателей, в том числе и Николай, никогда не засыпал. Сказания, как писал Павел Васильевич, «очаровывали его, отпечатывались в его юной памяти во всех подробностях, со всеми их величавыми и многоцветными образами. Он потом исполнял их сам — сначала среди своих сверстников, потом его стали слушать и взрослые, он обладал на удивление сильным и чистым голосом. К 16-ти годам он уже стал пользоваться славой большого кайчи, и на охотничью стоянку, где бывал Николай Улагашев, съезжались охотники за десятки верст, чтобы послушать его». ²

П. В. Кучник назвал талант, способность сказителя Николая Улагашева «золотым даром» от природы. Но удачи от охотничьего промысла отца и сына не помогли им избавиться от бедняцкой нужды и различных долгов баям, зайсанам, местным наместникам царской власти. В семье Улагашевых всегда царил «вечное педоедание, непосильный труд». ³ Николай в шестнадцать лет потерял зрение и единственной радостью для него стало знание сказаний и сказок своего народа...

Павел Васильевич Кучник и Анна Львовна Гарф явились к Николаю Улагашевичу Улагашеву рано утром, когда солнце

¹ Там же. — С. 300.

² Там же. — С. 301.

³ Там же. — С. 301.

уже поднялось из-за высоких дымчатых гор. После знакомства и чаепития старый, но бодрый, жизнерадостный кайчи, узнав намерение приезжих и поддерживая их желание, сам предлагает гостям посидеть, поговорить под широковетвистой елью. Кругом, действительно, цвело все: кюнь-келди — огоньки, голубые незабудки, безымянные и разноцветные цветы, а мягкая трава шевелилась при легком дуновении утреннего ветра. А основание ели служило Улагашеву как бы мастерской, где он плел сбрун для колхозных лошадей. Николай Улагашевич, хотя ему было в 1937 году под восемьдесят лет, считал себя не последним колхозником в своем селе.

Если некоторые сказители, с которыми П. В. Кучняк и А. Л. Гарф общались до встречи с Улагашевым, отказывались исполнять сказания, сказки или с трудом соглашались на разговор, то Николай Улагашевич, как говорится, поступил наоборот. Павел Васильевич писал с большой радостью: «Какую же сказку (сказание — *И. Ш.*) вам хочется от меня услышать? — спросил Улагашев, когда мы уселись на траву. — Рассказывайте ту, которая вам нравится. — Я много их знаю, и все они мне нравятся».¹

В этом маленьком диалоге видится большой знаток эпических сказаний. Он, как истинный талантливый сказитель, всегда пользуется уважением и мнением слушателей, эта характерная черта истинно талантливых певцов-кайчи. И кайчи Улагашев дал понять гостям, столь жаждущим слушать его исполнения, что все сказания, которые знает он, дороги ему. А какое озарение души было у Кучняка, когда Улагашев перечислил больше двадцати сказаний из своего репертуара! Каждое сказание называлось, как говорит Павел Васильевич, «по именам богатырей-героев», видимо, в том числе и назывался «Алтай-Буучай». Но выбор предлагает сам сказитель:

— «Алып-Манаш», может быть рассказать?

Вслед за этим разговором Кучняк, на наш взгляд, дает интересную информацию: «Мы эту сказку (сказание — *И. Ш.*) раньше слышали от других кайчи, но нам было интересно, как рассказывает ее Улагашев, мы согласились». Таким образом, сказание «Алып-Манаш» знали многие сказители, а не только Н. У. Улагашев, как это утверждают некоторые фольклорис-

¹ Там же. — С. 301.

ты.¹ Сам по себе, Павел Васильевич не упускает ни малейшей детали, относящейся к сказителю или к его исполнению. Кучник видит, слышит, оценивает, сравнивает, приводит примеры, делает выводы.

Вот как он в своем очерке «В гостях у кайчи» отмечает: «Улагашев откашлялся, сильным узловатым пальцем нежно тронул волосяные струны топшуура и запел. Его гортанный голос звучал приятно и густо, как стальной комыс, как рокот высоко летящего самолета.

Как принято у всех кайчи, он начал с запевки — обращение к музыкальному инструменту:

Из могучего кедра,
От одного корня выросшего,
Мой топшуур сделан.
Две струны из волос рысака
На топшууре моем натянуты,
Из двух кедров могучих,
От двух корней выросших,
Скрипка моя сделана.
Две тонкие струны
Из конского волоса свитые,
На скрипке моей натянуты.
Под моими двумя пальцами
Струны твои, мой топшуур,
Нежно звенят.

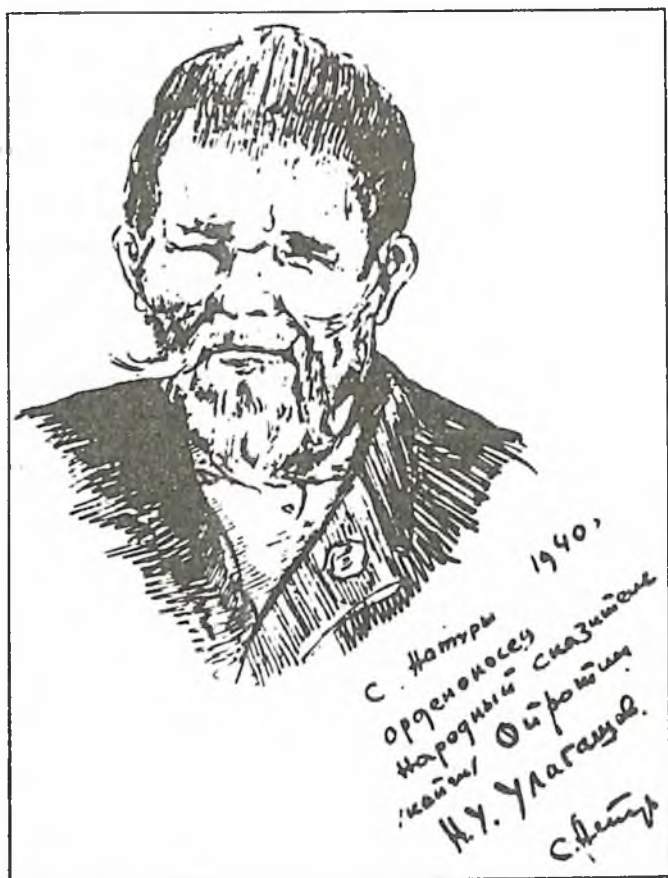
Павел Васильевич Кучник застал Николая Улагашевича Улагашева именно в этом его возрасте, когда он, по обычаю, сохранял все традиции исполнения эпических сказаний. Обращение к топшууру связано с духами лесов и гор. Однако это обращение кайчи к музыкальному инструменту при издании героических сказаний в то время почему-то всегда упускалось.

Кучник также сохранил и обращение певца к главному герою сказания. Он писал: «Дальше кайчи обратился с такой же запевкой к герою своей сказки — богатырю — Алып-Манашу:

Голосом своим гостей не созывал,
Руками своими топшуура не настраивал.
Не по своему желанию,
По настойчивой просьбе гостей

¹ Суразаков С. С. Кайчи Н. У. Улагашев. — Горно-Алтайск, 1961 (на алт. языке). 35 с.

² Кучник П. В гостях у кайчи. Указ. изд. — С. 301.

С. А. Астра. Портрет сказителя Н. У. Улагашева, 1940

Я топшуур в руки взял.
Вас, богатырь Алып-Манаш,
Вспомнить я сейчас вынужден,
Отказом я гостей не хочу огорчать,
Петь им о вас, богатырь, буду сейчас.
Ваше имя в сказке упомяну,
Вы на меня не сердитесь,
Ваши подвиги вспомню
На меня вы не обижайтесь.
Не по своему желанию
Я беспокою вас,
По настойчивой просьбе гостей
Сразу о вас начинаю.

С этими словами Улагашев до отказа набрал в легкие воздуха, напряг горло и перешел к своей сказке».¹

Вместе с тем Павел Васильевич Кучняк впервые, воочию увидел, услышал сказителя, который при исполнении сказания «Алып-Манаш» включает песни героев. И эти песни кайчи исполняет не гортанным голосом, а обыкновенным пением. Когда певец дошел до того места, где Алып-Манаш собирался в далекую поездку, к Ак-каану, чтобы встретиться с ним и померяться с ним силой, то родители уговаривают сына остаться дома. А жена богатыря, Кюмюжек-Ару, даже с песнями обращается к мужу, просит не ехать. Здесь следует дать слово самому Кучняку. Он писал так: «И тут кайчи Улагашев неожиданно переходит на голосовое пение. Чистым женским голосом он поет замечательную по своему лиризму, по своей образности и музыкальности песни Кюмюжек-Ару, ни один кайчи, которых я слышал раньше, не делал этого. Да и знали они эту песню? Где он услышал, нашел эту жемчужину народной алтайской поэзии?»²

Естественно, при дальнейшей работе со сказителем, Павел Васильевич узнал, что Улагашев часто прибегает к таким вставным песням, описывая биографию Николая Улагашевича, Кучняк использует такие выражения: «Этим он разнообразит белый стих сказки (то есть сказания — *И. Ш.*), дает слушателю отдых от гортанного кая, достигает необычайного лиризма и драматического напряжения сказки».³

Видимо, его, как фольклориста и как сказителя, сильно интересовала эта сторона творчества Улагашева. Кучняк еще раз убедился, использование песен в тех или иных эпизодах сюжета сказания дает определенный эффект и позволяет слушателям сказания с интересом и до конца воспринимать весь текст.

Кучняка также сильно потрясли те песни Кюмюжек-Ару, когда ее муж Алып-Манаш прибыл во время тоя в образе Тастаракай и между ними завязались песни-вопросы и песни-ответы. В результате таких песенных общений Тастаракай узнает, что Кюмюжек-Ару по-прежнему любит мужа, а не Ак-Кобена. Потому и Тастаракай снова превращается в богатыря Алып-Манаша, мужа Кюмюжек-Ару.

¹ Там же. — С. 301.

² Там же. — С. 301.

³ Там же. — С. 302.

Из очерка «В гостях у кайчи» видно, что Кучняк давно знает от слушателей об Улагашеве, какой он сказитель. «Я понял тогда наших алтайцев, — писал он, — многие из которых плачут, слушая сказки Улагашева».¹ О своеобразии певца-кайчи он оставил в очерке определенное высказывание, где подчеркивается богатство его репертуара. По мнению Кучняка, некоторые кайчи-сказители знают один вариант того или иного сказания. Улагашев же одно сказание исполняет в нескольких вариантах. Притом, когда Улагашев воспроизводит сказание для слушателей, то он берет, например, самый лучший вариант. И певец-кайчи считает его самым любимым. И вот в данный момент оказался и такой случай: Улагашев исполнил каем текст эпоса, где было много интересных песенных мест.

Самым неожиданным для Павла Васильевича Кучняка оказался такой момент. Как только кончилось исполнение, то, отложив топшуур в сторону, «без его помощи он вновь обратился к богатырю Алып-Манашу:

Алып-Манаш,
Богатырь прославленный,
На золотом Алтае своем
Мирно живите.
Мне — кайчи — ночью
Вы не снитесь,
Днем голову мою
Мыслями о себе не тревожьте.
Ничего плохого мне, кайчи,
Не делайте,
Сказку, в народе слышанную,
Я гостям пропел.
Прадедами нашими
Сказка сложена о вас...

Кайчи говорил это так просто и выразительно, с такой выразительностью, — писал Кучняк о своем впечатлении, — как будто богатырь действительно слышал эти обращенные к нему слова. Может быть, эта вера кайчи в реальность сказки и ее героев и придает силу воздействия на слушателя, такое неотразимое обаяние».²

¹ Там же. — С. 302.

² Там же. — С. 302.

Всегда восхищаешься этими прекрасными наблюдениями Павла Васильевича Кучняка. Он, как фольклорист-исследователь, шире и глубже проникал в творческую лабораторию выдающихся сказителей. Его статьи о мастерстве исполнительского искусства Улагашева являются яркой, неоспоримой работой в алтайской фольклористике. В то же время он от кайчипевца никогда не отрывал его слушателей, они взаимосвязаны в сохранении, в развитии эпических произведений народа.

П. В. Кучняк даже привел из жизни Николая Улагашевича Улагашева пример, касающийся топшуура, исполнения и повзья. Обычно, когда исполняет героическое сказание, и в это время падает подставка инструмента, то он прекращает сразу же свой кай, считая, что это не к добру. Такой же случай был и с Улагашевым.

Опять же предоставим слово П. В. Кучняку. Он писал так: «Помню, во время исполнения одной сказки лопнула вдруг одна струпа на топшууре. «Вот, — думаем, — надо новую струну натягивать, большой перерыв будет...» Но Улагашев отнесся к этому легко и шутливо.

— Это мы чачылги топшууру не дали, — сказал кайчи, смеясь, — вот он и не хочет играть. А я кланяться ему сейчас не буду. Есть топшуур — хорошо, нет топшуура, — тоже дело не станет.

И он закончил сказку без топшуура, ни разу не сбившись с ритма. Обычно, это трудно, получается беднее, и поэтому кайчи без топшуура не кайларят, но Улагашев обходится без него часто. У него сильный и богатый голос, очень развито чувство ритма, слушатели обычно даже не замечают отсутствие топшуура. Это позволяет ему исполнять сказки (сказания — *И. Ш.*) и тогда, когда нет с собой топшуура, а так случается передко».¹

Вместе с тем Павел Васильевич уловил, раскрыл в Улагашеве не маловажную сторону — его простоту. Именно простота помогла им сблизиться так быстро, дала возможность поговорить по душам, заглянуть в душу величайшего сказителя. Душа кайчипевца распахнулась во всей широте — сказитель был настолько готов к предстоящей работе, что Павел Васильевич и Анна Львовна были бескрайне радостны к такому случаю.

¹ Там же. — С. 303.

Да, Улагашеву теперь только бы рассказывать да рассказывать, ибо ему уже, еще раз подчеркнем, под восемьдесят лет. Он, как кайчи, прошел большую школу сказительства, эта школа охватила все возможные манеры исполнения героических сказаний. Они рассказывались стихотворным речитативом, одним лишь пением без речитатива, — все это исполняется без музыкального сопровождения, и позднее, текст эпоса исполняется формой гортанного пения в сопровождении игрой на топшууре. Кучияк также затрагивал вопрос о богатстве голоса кайчи. Думается, певец каждый раз свой тон менял на низкий, средний, высокий лады. От речитатива он переходил на пение, от него к гортанному исполнению. В этом-то и кроется его чувство ритма, а ритм связан со стихотворной формой, с поэтической речью.

В связи с этим Павел Васильевич является большим знатком устного поэтического творчества своего народа. Он не только сказитель, сказочник, собиратель и публикатор фольклора алтайцев, но и глубокий исследователь жизни и творчества выдающегося алтайского сказителя Николая Улагашевича Улагашева, кайчи-орденоносца, изучив весь арсенал героических произведений сказителя, Павел Васильевич делает вывод: «Кайчи Улагашев не только собирает, хранит это драгоценное наследие, он, как искусный хранильщик, шлифует его, приумножает, обогащает».¹

Следует уточнить, почему же Улагашев является собирателем? Дело в том, что кайчи до старости лет встречался со многими народными сказителями. От них он усвоил не один десяток героических сказаний. И, наконец, Улагашев, как мастер, обогащает эти сказания новым содержанием, обновляет их и каждый раз шлифует идеи, образы, художественные средства.

Бесспорно, очерк П. В. Кучияка о жизни и творчестве Н. У. Улагашева явился стержневым направлением в исследовательской деятельности последующих поколений фольклористов. А сам Н. У. Улагашев был и остается величайшим сказителем не только алтайцев, но и всех тюрко-монгольских народов всей Центральной Азии.

Учитывая, что П. В. Кучияк сам был талантливейшим сказителем и опубликовал несколько своих сказаний, следует ос-

¹ Там же. — С. 303.

тановиться, хотя бы на одном его сказании, например, «Алтын-Тууди».

Именно это сказание дает право оценить мастерство сказительского искусства Павла Васильевича Кучияка. Оно было воспроизведено им к концу 1936 года или в начале 1937 года, в Москве. После окончания записи, он сразу же приступил к подстрочному переводу. Но на алтайском языке «Алтын-Тууди» был опубликован в 1941 году, на русском языке чуть позже. Объем его — 4402 поэтических строк.

По поводу этого сказания А. Л. Коптелов писал так: «Алтын-Тууди» является одним из самых ярких, высокохудожественных народных произведений. Оно отличается смелостью мысли, увлекательными картинками, созданными в духе собственной эпосу алтайцев гиперболизации и глубокой поэтизации всего того светлого и радостного, что составляет основу и существо произведения».¹

Идея сказания «Алтын-Тууди» заключается в том, что выходцы из народа ведут ожесточенную борьбу не только с иноземными захватчиками, но и с собственным кааном, зайсаном, баем и побеждают их, освобождая тем самым закрепощенный, закабаленный народ из-под ига угнетателей. Вот краткое содержание этого сказания.

Жил Тойбон-каан с многочисленными богатырями, зайсанами и баями. Однажды он узнал, что некий Караты-каан состарился и нет у него детей, чтобы защитили бы его честь. Тойбон-каан отправил свои войска на войну с Караты-кааном. Цель Тойбон-каана такова:

Стада его без охраны бродят,
Народ его разноязыкий
От ханской власти отвык.
Поэтому, верные мои стражники,
Моим народом управляющие зайсаны,
Коней резвых седлайте,
Доспехи боевые надевайте!
Завтра на солнцевосходе
К владениям Караты-хана двинемся.

¹ Коптелов А. Героический образ девушки // Алтын-Тууди, алтайский героический эпос (Пер. А. Смердова, под ред. А. Коптелова). — Новосибирск: Кн. Изд-во, 1950. — С. 3—10.

Пока другие ханы наживы не почуяли,
Первыми туда мы поспеть должны,
Караты-хана в плен взять!¹

Тойбон-каан вспомнил и своего пастуха Ёлэнчи, который мог быть его правой рукой в войне. Ёлэнчи жил с тремя дочерьями и пас его коз. Он стар. Когда вестник передал ему приказание явиться на коне во всем вооружении для участия в войне против Караты-каана, он сразу же решил отправиться, чтобы нести воинскую повинность своему хану. Однако дочери решили ехать вместо отца, сначала старшая дочь, затем средняя, но они с полпути возвращались домой со сломанными ногами: они получали удары в ногу от марала-самца — аткыр-кара сыгына, за которым погнались, чтобы убить его. И только младшая дочь — Алтын-Тууди — выдерживает испытание марала-самца, она догнала, занесла над ним меч и марал заговорил человеческим голосом и превратился в отца, значит он в образе марала испытывал силу и ловкость дочерей: старшей, средней, только они об этом не знали.

Когда Алтын-Тууди прибыла к Тойбон-каану, все без исключения смеялись над ней. Но она свою воинскую доблесть показала на войне, спасла жизнь самому Тойбон-каану, убив старого, но коварного Караты-каана. Однако Тойбон-каан, выжив, решил, что Алтын-Тууди для него будет помехой всю жизнь и посылает вестника, чтобы она приехала в ставку его:

...Коня своего покрепче заседлай,
свои боевые доспехи надень,
к моему порогу немедля скачи! —²
так в письме том было написано...

Когда Алтын-Тууди вместо отца уничтожила Караты-каана и его несметные войска и вернулась домой, то Ёлэнчи с гордостью воскликнул во всеуслышание: «Старость моя всегда под защитой будет!» Как быть теперь, когда Тойбон-каан снова приказывает приехать Алтын-Тууди, а не ее отца? Все поняли, что это не к добру. Но отец говорит ей так:

— Не вольной птицей ты родилась,
В юрте ханского пастуха росла.

¹ Там же. — С. 14.

² Там же. — С. 50.

Во власти хана жить будешь...
Добро ли, худо ли тебя ожидает,
Надо приказ исполнить.¹

Естественно, еще первый раз, прибыв на становище Тойбон-каана, она удивилась красоте и богатству земли его, уже думала в то время так:

Если б в этом благодатном краю
Народ без нужды и мучений жил!
Если б эта долина чудесная,
Эти леса с поющими птицами
Народу счастливому принадлежали —
Каким бы радостным был Алтай!²

Тогда она — Алтын-Тууди — думала, что Тойбон-каан справедливый и имела почтительное отношение к нему. Но она поняла потом, что именно хан является злейшим врагом ее, и не только ее — всего трудового народа. А когда хан ее отправлял к Эрлик-бию за кувшином, а за доставку обещал дать ей половину своего скота и половину своих рабов, половину всего богатства, то девушка-богатырша отвечала ему с большим достоинством:

— За милости, мне оказанные,
Вас, мой хан, я благодарю.
Но властвовать наравне с вами
Над половиной народа не стану —
В бедной юрте я рождена,
Дочерью пастуха останусь.
От ваших щедрых даров —
От табунов и стад — я отказываюсь...³

Конечно, ее неподкупный характер, каким показывает Алтын-Тууди сказитель Кучияк, и то, что она отвергает все предложенные блага, удивляет хана. Алтын-Тууди верна себе и своему положению, перед любым врагом, даже перед нечистой силой, она спокойно может сказать о себе:

К ханской кости я не принадлежу,
Богатырем себя не считаю,
В жилище бедного пастуха

¹ Там же. — С. 50.

² Там же. — С. 37.

³ Там же. — С. 79.

Я родилась и выросла.
На чужую жизнь и чужие богатства
Отец меня посягать не учил,
Мать меня злым умыслам¹
Никогда не наставляла.

В тот раз, когда Тойбон-каан отправлял ее к Эрлик-бию, как говорится, в пекло смерти, Алтын-Тууди точно убедилась, что это была последняя ловушка хана, чтобы уничтожить ее. И тут, устами народных певцов-кайчи, Алтын-Тууди гневно, яростно говорит Тойбон-каану:

Теперь перед всем народом
Козни ваши раскрылись,
Сейчас перед всем народом
Придется вам расплатиться,²
Суровую кару за все нести!..³

В заключительной речи богатырша Алтын-Тууди снова высказывается о своем социальном происхождении и говорит Тойбон-каану, что она рождена в юрте бедного пастуха, потому на шелковом ложе спать не привыкла. Главное, как говорит Алтын-Тууди, «с детства привыкшая к голоду, часто с собакой делившая пищу, за золотым столом я есть не умею, в тонких яствах не разбираюсь. С раннего детства на белый свет привыкшая сквозь ушко иголки глядеть, в ханских покоях я жить не стану, в богатстве и роскоши не нуждаюсь».³ После этого Алтын-Тууди, заранее узнавшая, что хан и его помощники для нее приготовили яму, на дне которой «воткнуто девяносто пик остриями кверху», приподняв Тойбон-каана, с размаху его сбросила в эту глубокую яму. Как говорится в народе, не копай яму человеку, сам попадешь туда, так и Тойбон-каан со своими зайсанами, баями попадают в яму, которую вырыли они для богатырши Алтын-Тууди. Так освобождает она себя и угнетенный народ из рабства крупного феодала Тойбон-каана.

Безусловно, Павел Васильевич Кучияк, как выдающийся сказитель, заострил идейную сторону сказания «Алтын-Тууди». Для народов СССР, тем более для алтайцев, такое героическое сказание в 1930-е годы прямо выражало волю, идеологию тру-

¹ Там же. — С. 73.

² Там же. — С. 98.

³ Там же. — С. 97-98.

дового народа. Именно в этом тексте часто употребляются слова, вошедшие в эпос в поздние времена, например: «зайсань», «бан», «шаманы», «приспешники» и т. д. Потому прав был С. С. Суразаков, говоря «Образ Алтын-Тууди относится именно к периоду патриархально-феодалного общества и возник благодаря глубокому и поэтическому воспеванию женщины из простого народа. Возвышение и героизации женщины — это подлинно народная черта и высокое достоинство алтайского эпоса».¹

Сказание «Алтын-Тууди» Павел Васильевич Кучияк слушал от деда Шонкора Шунекова несколько раз, особенно в детские годы. Притом в гортанном исполнении, в сопровождении музыкального инструмента. При воспроизведении этого эпоса Кучияк старался не пропустить ни одного мотива, ни деталей, составляющих сюжет. Сюжет и композиция «Алтын-Тууди» не сложны. Здесь основной линией считается, на наш взгляд, трехкратные попытки Тойбон-каана уничтожить главного героя, противостоящего ему, после победы Тойбон-каана с помощью Алтын-Тууди над Караты-кааном, опасной становится сама богатырша, ибо она из народной среды.

В сказании много лирических элементов, они выражают отношение сказителя к главному герою, к другим персонажам из народа. Порой кайчи Кучияк героиню называет «кёёркий» (милая), «айланайын» (дорогая, драгоценная). Лиризм проявляется тогда, когда сказитель рассказывает об испытании Елёнчи своих трех дочерей. Елёнчи, его жена и трое дочерей по-своему переживают, переоценивают вызов Тойбон-каана. Лиризм выступает и тогда, когда Алтын-Тууди увидела цветущее становище своего хана — Тойбон-каана, когда мечтала, что весь этот цветущий богатый Алтай когда-нибудь будет принадлежать народу.

Павел Васильевич Кучияк, как потомственный сказитель, да и шаман, хорошо сохранил в сказании народный юмор, острую сатиру. Алтын-Тууди, естественно, в войне с Караты-кааном показала свою преданность к Тойбон-каану и не оставила его, тяжело раненного, на поле брани. Она также показала свою воинскую доблесть, меткой стрелой убила Караты-каана, унич-

¹ Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. — М.: Наука, 1985. — С. 107.

тожила его войско. Но в это время «разноязычные племена Караты-каана, будто рой, со стойбищ снимаясь, в разные края земли удалились». Алтын-Тууди, удивленная, глядела в след беглецам. Но не лучше поступали войска, зайсанов, баев, помощники Тойбон-каана, здесь следует привести те строки сказания, в которых певец от имени Алтын-Тууди едко, в сатирическом тоне высмеивает победителей.

Девяносто два стражника Тойбон-каана,
Девять его одноликих зайсанов,
Все войско хана многочисленное,
Подвиг Алтын-Тууди увидев,
В страхе наутек кинулись.
Через девять гор перевалив,
Девять долин перебежав,
Еле-еле дух перевели.
Алтын-Тууди насмешливо
К убегающим обратилась:
— Э-эй, вы, вояки храбрые,
Силачи с сердцами куриными,
Что ж вы хана своего сраженного
В беде бросаете,
Раненого его в чужой земле покидаете?!
Устрашавший вас Караты-хан
Бездыханный лежит,
Крылатый конь его подох,
Чего же вы испугались,
От кого укрыться спешите?!
Тойбон-каана своего подберите,
На попечение ханши его увезите,
Как гордые победители
На стойбище свое возвращайтесь!..¹

Таким образом, сказитель-кайчи, в данном случае Кучияк, остро высмеивает с помощью иронии, насмешки обличает трусливость, кичливость, глупость, самонадеянность, хвастливость, жестокость, бесчеловечность ханов, зайсанов, баев — одним словом, эксплуататоров и иноземных грабителей, это один из приемов народной сатиры, насмешки и так далее.

Наиболее распространенным художественным средством в алтайском эпосе, естественно, является эпитет. С его помощью кайчи-сказители идеализируют образы всех главных героев, их

¹ Алтын-Тууди. Указ. изд. — С. 46.

коней, а также создают характеры остальных персонажей. Эпитеты бывают простые — из одного слова — и сложные, из двух-трех слов, например: кўрен ат (гнедой конь), ортон кыс (средняя дочь), кара кыр (черная гора), желбер сыгын (лохматый марал); кара кўрен айгыр (темногнедой жеребец), кара болот уьлдү (черно-стальной меч), сагышту кара-кўрен ат (умный черногнедой конь).

В эпических сказаниях часто используется сравнение. В сравнениях постоянно подчеркивается красота и мощь богатыря, его коня и т. д. Например:

Мы к битве любой готовы.
Как стрелы из вашего лука, взлетим,
Как медведи, в схватке свирепы будем...
Подобно горе ледяной, Тойбон-хан стоял.¹

Не останавливаясь подробно на художественных особенностях, следует сказать, что язык сказания «Алтын-Тууди» — эпический, стихотворный, ритмичный. Текст легко читается и легко воспринимается на слух. Часто встречаются диалоги, они оживляют сюжет, придают многогранность характерам героев, выявляют точнее их личные отношения.

Во всех воспоминаниях о Павле Васильевиче Кучияке отмечается то, что в его языке было много пословиц, поговорок, метких слов. Все это объяснимо, на наш взгляд, богатством его таланта сказителя.

Павел Васильевич Кучияк — человек большого многостороннего таланта. Его сказительское искусство было замечено народом еще при его жизни и получило высокую оценку. Имя Кучияка, как выдающегося сказителя, долго будет жить в народной среде. Его героические сказания будут снова и снова звучать на устах всех поколений алтайцев, куда жив будет хоть один кайчи.

1997 г.

¹ Там же. С. 13.

ШИНЖИН Иван (Таныспай) Баксурович

**МАСТЕРСТВО
СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА
П. В. КУЧИЯКА**

Редактор *Л. Г. Чащина*
Технический редактор *Л. Г. Кользенова*

Сдано в набор 19.09.2000 г. Подписано в печать 23.03.2001 г. Объем 5,25 п. л.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная. Тираж 1000. Заказ 4508.

Горно-Алтайская республиканская типография
649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

902